

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

ПУТЕШЕСТВИЕ НА
ВОСТОК

Петр Андреевич Вяземский

Путешествие на Восток

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24512279

Аннотация

«В Июне 1849 года, князь П. А. Вяземский, из своего подмосковного села Остафьева, предпринял путешествие на Восток. Он прожил несколько месяцев в Константинополе, посетил Малую Азию и сподобился поклониться в Иерусалиме Святому Живоносному Гробу Спасителя нашего...»

Содержание

Петр Вяземский

Путешествие на Восток

В Июне 1849 года, князь П. А. Вяземский, из своего подмосковного села Остафьева, предпринял путешествие на Восток. Он прожил несколько месяцев в Константинополе, посетил Малую Азию и сподобился поклониться в Иерусалиме Святому Живоносному Гробу Спасителя нашего...

«Когда приближаешься уже к концу земного своего поприща», пишет наш паломник, «и имеешь в виду неминуемое путешествие в страну отцов, всякое путешествие, если предпринимаешь его не с какою-нибудь специальною целью в пользу науки, есть одно удовлетворение суетной прихоти, бесплодного любопытства. Одно только путешествие в Святые Места может служить исключением из этого правила. Иерусалим – как-бы станция на пути к великому ночлегу. Это – подготовительный обряд к торжественному переселению. Тут запасаешься, не пустыми сведениями, которые ни на что не пригодятся нам за гробом, но укрепляешь, растворяешь душу напутственными впечатлениями и чувствами, которые могут, если Бог благословит, пригодиться и там, и во всяком случае несколько очистить нас здесь.

Как поживешь во Святом Граде, проникнешься убеждением, что судьбы его не исполнились. Тишина, в нем царствующая, не тишина смерти, а торжественная тишина ожи-

дания.

В молодости моей, когда я был независимее и свободнее, путешествие как-то никогда не входило в число моих преднамерений и ожиданий. Я слишком беспечно был поглощаем суетами настоящего и окружающего меня. Скорбь вызвала меня на большую дорогу и с той поры смерть запечатлела каждое мое путешествие. В первый раз собрался я за границу, по предложению Карамзина, ехать с ним; по кончина его (1826 г.) рассеяла это предположение до приведения его в действие. После, болезнь Пашеньки заставила нас ехать за границу. её смерть (1835 г.) наложила черную печать свою на это первое путешествие. Второе путешествие мое окончательно ознаменовалось смертью Наденьки (1840 г.). Смерть Машеньки (1849 г.) была точкою исхода моего третьего путешествия. Таким образом, четыре могилы служат памятниками первых не сбывшихся сборов и трех совершавшихся путешествий моих. Не взмой меня волна несчастий, я вероятно никогда не тронулся бы с места. Вероятно путешествия мои, всегда отмеченные смертью, кончатся путешествием ко Святому Гробу, который примиряет со всеми другими гробами. Так быть и следовало».

В бумагах князя П. А. Вяземского сохранился *Путевой Дневник*, веденный во время этого путешествия. Дневник сей, состоящий из двух книжек in 4°, писан, по большей части, рукою самого князя Петра Андреевича, в некоторых же местах – рукою княгини Веры Федоровны под диктов-

ку князя, и только на страницах 30 и 31 Княгиня включила несколько строк от себя.

Служивший при нашем посольстве, во время пребывания князя П. А. Вяземского в Константинополе, М. А. Тамазов, сообщил нам, по поводу Босфорских стихотворений князя Петра Андреевича, свое воспоминание о «живописном» *Эюбе*:

«Именитый поэт, передав в некоторых стихотворениях глубокое впечатление, оставленное в нем дивными красотами Босфора, приводит нас к порогу дорогой, в глазах Турок, святыни этого мира очарований. Рука его уже готова отдернуть завесу перед нами; величественные аккорды сложенной им песни готовы уже коснуться слуха нашего; но мы возьмем смелость остановить его на минуту, чтобы, так сказать, приготовить читателей к священнодействию, передав тем из них, которым она неизвестна, историю воспетого поэтом заветного уголка Стамбула.

На первой строке стихотворения встречается название, которое ничего не говорит непосвященному.

Что такое *Эюб*?

Постараемся объяснить смысл этого названия и набросать, как сумеем, очерк носящей его местности, чтобы не оставить ничего непонятым в пленительной песни князя Петра Андреевича.

Кладбищ много в Константинополе, много в нем кипарисов; все они одинаково располагают к мечтательности и спо-

способны вдохновить всякого поэта; но на усыпальнице и кипарисах Эюба лежит особая печать; особая прелесть разлита здесь в сочетании чудес Восточного зодчества с несравненными красотами природы.

На берегу Золотого Рога, там, где он начинает изгибаться дугою, поворачивая свои все более и более суживающиеся воды на право, по направлению к знаменитому Кеат-хану, европейским пресным водам (*Les Eaux douces d'Europe*), густою толпою теснятся гигантские кипарисы около прелестной мечети, около величавого мавзолея, около причудливо изваянных, покрытых золочеными надписями и узорами мраморных памятников. Со всех сторон прижавшиеся к этим белым гробницам, сверкают благоухающие розы; шелкает где-то там соловей, как-бы вознося молитву об успокоении почивших. Все это, освященное таинственной легендой эпохи завоевания Константинополя, не могло не подействовать, с особенным обаянием, на душу нашего вдохновенного поэта.

Вот легенда Эюба:

Чалмоносный завоеватель ликует на холмистых берегах Босфора. С понятною гордостью любитесь он дорогою добычею, которая, наконец, досталась ему после упорных усилий, его и его предшественников. На одной из улиц Константинополя, прозванной с тех пор *Мэйит-мейданы* – площадью трупов, как простой ратник, пал в кровавой сече, доблестный венценосец, царь греческий Константин, защищая на-

следие предков, а вместе с ним, пали и Царь-город и все царство Палеологов к ногам татарина.

Громко, бурно торжествует Мохаммед II-й свою победу и всевозможными чувственными уладами как-бы старается вознаградить себя за понесенные боевые труды, отпраздновать успех своего предприятия.

В самый разгар его оргий предстает пред ним его любимый шейх, Ак-Шэмс-уд-дин (белое солнце веры) и сообщает грозному повелителю, что в сновидении последней ночи явился ему Абу-Эюб Ансари; что угодник этот, ревностный ученик и подвижник пророка, павший в 48-м году хиджры (668) под стенами Константинополя, во время похода Иезида, сына Моавии I, против Восточной Римской империи, указал шейху место, где покоятся его кости. „Над ними, сказал он ему, лежит в земле, возле источника, мраморная плита от моей гробницы“. Султан, усматривая в этом сновидении как-бы благословение, ниспосылаемое Пророком, совершенно им подвигу – утверждению его знамени на развалинах великой древней империи, повелел немедленно приступить к работам. И действительно, землекопы отрыли в указанном месте и мраморную плиту, и рядом с нею источник! Этого было довольно для державного ревнителя Ислама! Осуществилось, значит, предсказание, гласившее, что султану, который овладеет Константинополем, определено свыше сделать это открытие!

По воле Фатиха, вскоре, на этом месте, как говорит патри-

арх Констанций в своей *Константииаде*, из обломков четырех греческих церквей – Святых Пантелеймона, Фотинии, Мамы, Козны и Демьяна, разрушенных здесь во время набегов Болгар и осады Османов, построены были та мечеть и тот мавзолей (тюрбэ), о которых мы упомянули выше и которые, таким образом, окружены, против других им подобных в Константинополе, наибольшим ореолом святости.

В мавзолее стоит посвященная памяти Эюба (Иова), гробница из белого мрамора под открытую плиту; возле гробницы – колодезь с водою, проведенною из открытого источника; в голове – знамя, обернутое зеленым покровом; вокруг теплятся неугасаемые лампы. Узорчатое водохранилище (чешмэ) с широкими выступами своей крыши, увенчанной золоченою резною колонкой, с разукрашенными нишами и золочеными решетками, с тонкими мраморными колоннами по сторонам, с сетью калиграфически вылепленных по карнизам надписей, дополняет прелесть этой семьи построек.

Все готово. Здания воздвигнуты. Украшения на местах. Мохаммед Фатих (собственно – победоносец, а не завоеватель), со свитою царедворцев и фалангою улэмов (законоведов), вступает в мечеть, где Ак-Шэмс-уд-дин опоясывает его мечем Османа на вечное торжество султанов над гяурами.

Все последовавшие за Мохаммедом османские повелители, на пятый или шестой день но вступлении своем на престол, исполняют этот обряд, заменяющий у них торжество коронования; а священная земля, окружающая эти памят-

ники, служит, начиная с матери Салима ИИИ-го, открытой усыпальницей султанских жен и дочерей. Много их перешло, из раззолоченных теремов Бешикташей и Чераганов, в эти раззолоченные затворы Эюба, не успев, как повествуют некоторые из надписей, ни одну минуту подышать вольным воздухом и *вкусить сладостей земной жизни!* Зачем было родиться этим царевнам, если одни оковы были их уделом: сначала гарем, потом могила! Над этим-то, конечно, вопросом задумались их матери и сестры, тут и там неподвижно сидящие около их гробниц. Нет мудреного, что о том-же думает и тот евнух, который, в ожидании своей султанши, как статуя из черного мрамора, стоит поодаль в тени кипарисов!

О судьба! восклицает поэт Фазыл в одной из эпитафий, прилично-ли, чтобы гнездо прелестной пташки, так пленительно начавшей щебетать, было из камня!»

«Окрест кладбища возник многолюдный квартал, и все, вместе взятое, известно под названием *Эюб*.

Правоверные пьют воду Эюбова колодца как священную и покрывают плиту угодника приношениями: серебряными монетами, кусками алоэ, янтаря, а чаще всего, белого воска.

Века следовали один за другим – и нога иноверца никогда не переступала порога этих мусульманских святынь. „Напрасно“, говорит, в своей Картине Османской империи Мураджа д'Оссон, уроженец Константинополя, управлявший миссией шведского короля, „напрасно“, не смотря на мои связи в высшем турецком обществе, добивался я слу-

чая осмотреть внутренность этих храмов! Друзья мои, турецкие сановники, отсоветовали мне и думать об этом, так как подобное вторжение подвергло бы жизнь мою несомненной опасности».

«Но Русские где не проходили! Каких препятствий не преодолевали они! Какого зорока не снимали! Стоило одному из них, Царственному Юноше, коснуться чела красавицы, для всех, кроме своих мусульманских поклонников, спавшей четыре века в этом кипарисовом лесу, и она очнулась от заколдованного сна.

Великий Князь Константин Николаевич, в первый же приезд свой в Константинополь, в 1845 году, первый из христиан ступил за порог заветной храмины, затворы которой мгновенно пали пред Его Высочеством. Воспользовавшись проложенным путем, вскоре затем, проник туда и один из Орлеанских принцев.

Пишущий эти строки имел счастье быть в числе лиц, составлявших свиту Августейшего Посетителя во все время Его пребывания на Босфоре и в Бруссе... за исключением этого, можно смело сказать, исторического дня. Вместе с знаменитым живописцем нашим И. К. Айвазовским, прибывшим в Константинополь в свите Его Высочества, он был с вечера в Скутари в гостях у одного армянского прimate; сильный *годов* (южный ветер), сопровождаемый дождем, развел зыбь на Босфоре и задержал их, в то утро, на Азиатском берегу. Глубоко сожалея об этой неудаче давно минув-

ших дней, он и до сих пор с отрадою переносится мыслию к прелестному кладбищу Эюба, который послужил князю Петру Андреевичу темою приводимого здесь, эпиграфом, стихотворения, так удачно им озаглавленного словом: „Очарование“».

Там, пред *Эюбом* живописным,
Венчаясь лесом кипарисным,
Картина чудной красоты
Свои раскинула узоры:
Там в неге утопают взоры
И сходят на душу мечты;
Там, как ваянья гробовые,
Одевшись в белый свой покров,
И неподвижно, и без слов
Сидят турчанки молодые
На камнях им родных гробов.
Волшебный край! Шехеразады
Живая, сказочная ночь!
Души дремоты и услады
Там ум не в силах превозмочь;
Там вечно свежи сновиденья;
Живешь без цели, на обум,
И засыпают сном забвенья
Дней прежних суетность и шум.

15-е июля 1849 года в Буюкдере

В числе праздников, установленных Русскою Церковью в память и честь святым, день святого и равноапостольного князя Владимира имеет для нас особенное значение и особенную важность. Этот день есть для нас не только праздник христианский и церковный, но вместе с тем и праздник гражданский и государственный. Он принадлежит равно и Церкви, и истории народной. Приобщив себя и свой народ к Церкви православной, Владимир указал путь России. С первого следа, на нем означенного, положил он незыблемое начало её исторических судеб. Все наши события, все что образует нашу народную личность, нашу силу духовную, нравственную и политическую, все наши успехи и приобретения, все очистительные и многоплодные испытания, чрез которые Промысл целебно и спасительно провел нас по пути борений, жертв, преуспевания и славы, все истекает из светлой и святой купели, в которую Владимир погрузил с собою младенческую Россию. От него зачалось и окрепло наше духовное воспитание и гражданское образование. Им определено наше место в истории человечества. События нашей старины, события нашей новейшей истории, явления настоящего времени и, без сомнения, события будущего связаны и будут связаны союзом нашим с восточною Церковью. Здесь должно искать и точку исхода нашего, и цель, к которой на-

правляет нас Провидение темными, но верными путями. Направления, данные обществам по соображениям человеческой мудрости и расчетам политического честолюбия, – и свидетелем тому служит история, – часто бывают подвержены изменениям, обличая в слепоте человеческую предусмотрительность. Но начала, в которых явно знаменуется вмешательство Божия Провидения, пребывают неизблемы и твердо переносят напоры и потрясения житейских волнений и бурь. Летописи наши выставляют в ярком свете непреложность сей истины. Им же, без сомнения, предстоит в будущем подтвердить ее новыми и убедительнейшими доказательствами. Многое у нас изменилось и многое может измениться в частностях нашего народного быта; но призвание и судьба России преимущественно заключаются в святине её Православия. В прошедшем – оно наш основной, краеугольный камень; в настоящем – наша опора и сила; в будущем – наш светильник и двигатель.

Эти мысли промелькнули в уме моем при слушании святой литургии в день 15-го июля, в церкви посольского дома нашего в Буюкдере. Чувство духовного благоговения перед совершением святых таинств и обычных обрядов Церкви нашей невольно сливалось с историческими воспоминаниями, которые пробуждает этот праздник. Эти воспоминания, если и не совершению чуждые житейским попечениям, имели однако ж свою торжественность. Они не отвлекали ни мысли, ни чувства молящегося от чистой и святой цели, пред-

назначенной молитве. Они не смущали, не охлаждали умиления; напротив, эти воспоминания придавали настоящему священнодействию новое значение, более доступное слабым понятиям нашим: они яснее выражали на языке человеческого дело Божия Промысла на Русской земле. Особенно на берегу Босфора, вблизи источника, откуда брызнула на предков наших живоносная и спасительная струя, давно уже иссякшая на родине и ныне у нас одних сохранившая свою первобытную и независимую чистоту, нельзя без тайного умиления внимать словам песнопения, которым Церковь наша славословит святого Владимира: «Уподобился еси купцу, имущему доброго бисера, славнодержавный Влади́нире, на высоте стола сидя матери градов, богоспасаемого Киева, испытывая же и посылая к Царскому граду уведети православную веру, и обрел еси бесценный бисер Христа, избравшего тя, яко второго Павла, и оттрясшего слепоту во святой купели, душевную вкупе и телесную». Первобытная, благочестивая и поэтическая простота этих выражений везде трогательна и умилительна; но здесь она проникает в душу с особенною прелестью и силою. Давно минувшее живо в глазах олицетворяется. Нить этого *доброго бисера*, непрерывно и цельно протянутая сквозь многие и многие столетия, очевидно, ощутительно связывает прошедшее с настоящим. Здесь священное предание возвратилось к месту колыбели своей. Возрожденное, оживленное воздухом родины своей, оно облекается первобытною свежестию. Слова обветшавшие юнеют

и звучат крепче и знаменательнее: в них слышится и святая память прошедшего, и какое-то пророческое предчувствие будущего.

Для нас, Русских, случайных и временных переселенцев на берега Босфора, заброшенных сюда стечением разных обстоятельств, общий праздник имел еще на этот раз особенный, частный оттенок. Мы в этот день праздновали именины нашего посланника Владимира Павловича Титова. По русскому обычаю, он угостил единоземцев своих радушным обедом в русских палатах, красиво устроенных между обширным садом, живописно расположенным по уступам высокой горы, и роскошным, величественным Босфором. За обедом пропеты были, в честь именинника, некоторыми из собеседников и собеседниц, следующие стихи, положенные на музыку маэстро Мориони:

Пред минаретами Пророка,
Здесь, где объятый цепью гор,
Под небом голубым Востока,
Светлеет голубой Босфор,
Мы, дети Руси православной,
Единодушною семьей
Поем тебе привет заздравный,
Наш именинник дорогой.

В дому твоём – для нас Россия!
Здесь все, чем нам она мила:

Креста предания святы,
И слава Русского орла,
И языка родного звуки,
Чтоб сердцу сердца весть подать,
И Русские сердца и руки,
Чтоб брата с нежностью обнять.

Вечер кончился, как обыкновенно кончаются Буюкдерские вечера, многолюдным *раутом* под открытым небом на Буюкдерской набережной. После знойного, душного дня, недостаточно прохлаждаемого навеваниями Черного моря, теплая, прозрачная ночь вызывает всех жителей из домов и угощает зрелищем и негою наслаждений, невыразимо-сластных. Небо, воздух, вода, земля, каждая часть отдельно красуется свойственной ей прелестью, и все вместе сливается в одну стройную и чудную картину. Извивистый Босфор широкими, лазурными отраслями раскидывается в разные стороны. Суда, стоящие на якорях, темными оттенками рисуются на его поверхности. Легкие, продолговатые *каики* скользят по нем, как будто бесплотные призраки, не возмущая тишины его ни движением своим, едва заметным, ни плеском весел, без шума в воду опускающихся. Перед домом посланника русский тендер празднично светится веселыми огнями. На противоположном, Азиатском берегу, перерезанные глубокими долинами, возвышаются горы, образующие величественную раму обширной и роскошной картины. Здесь гора, *могила великана*, увенчанная развалинами зда-

ния, в котором гнездятся дервиши. Недалеко от неё места, уже заочно нам знакомые памятным для нас событием. Тут в 1833 г. расположен был Русский стан и прозвание *ункеар-скелесси* внесено на страницы нашей современной истории. Вправо выглядывает из сумрака *Терапия* с красивыми домами посольств английского и французского. Здесь на набережной пестреет и кипит настоящий венецианский карнавал. Мимо нас проходит, свивается и развивается разноплеменная толпа в разнообразных одеждах. Тут грек, армянин, турок, славянин, каждый, отличающийся особенным отпечатком в чертах, в походке, рисуется пред вами и придает общей картине отдельный образ, отдельную жизнь и краску. Весь Восток в лицах, и стройный, однообразный Запад теряется в этом радужном смешении красок, разностей и народностей. Вот турок-разнощик, с фонарем в руке, с лотком на голове, диким криком приглашает прохожих полакомиться его неприхотливыми сладостями. Тут расположена при блеске огней вечерняя выставка мороженого; около неё важно и созерцательно сидят беспечные поклонники праздности и лени. Из сеней открытого дома вылетают дикие напевы армянской песни под строй чего-то, похожего на многострунную балалайку; пред дверьми теснится кружок более внимательных, нежели взыскательных слушателей. Эти песни одни нарушают поэтически-безмолвную гармонию ночи. Но и они, при всей своей странности, не вовсе лишены относительной прелести, как все то, что самобытно и носит на себе печать

местности и особенности народной.

Но вскоре мысленно уклоняешься от всех этих пестрых видений и забываешь присутствие людей. Невольно уединяешься в себя и, отрешившись от толпы, погружаешься всеми чувствами в зрелище окружающей тебя природы. Только и видишь, только и слышишь, что небо и море. Только им сочувствуешь и любишься ими.

Вот вам, далекие друзья, наскоро наброшенный очерк одного из дней, проведенных мною на берегу Босфора.

Письмо к С. Н. Карамзиной из Буюкдере

Август, 1849.

Теперь могу с некоторым благоприличием показаться на глаза Софье Николаевне и напомнить ей о себе. В объеме 30 часов, я был 18 часов на коне, более 6 часов на ногах, карабкаясь на горы и спускаясь с гор, и часов пять отдыхал, если можно назвать отдыхом живую пытку жертвы, преданной на терзание комарам, мушкам и разным другим человеколюбивым насекомым, которые оказали мне по своему гостеприимство в турецкой избе селения Бунар-баши (глаза ключей) и не давали мне прозаически заснуть в поэтической святыне, где некогда стояла знаменитая Троя. Дворец Приама – и за ним турецкая изба! Звучный гомерический Илион – и Бунар-баши! Герои Илиады – и комары и блохи! Какая перемена! Какое падение! *Sic transit gloria umudi!* скажете вы с

свойственной вам находчивостью и остроумною ученостью.

Как бы то ни было, такими вышеупомянутыми подвигами ознаменованы были для меня 7 и 8 августа. Из Дарданелл ездил я верхом в Троаду и обратно, под палящим зноем солнца взбирался на гору, именуемую по-турецки Ит-гельмэз, что значит: и собака сюда не влезет! а я, извольте видеть, влез! «Да вы собаку съели», скажете вы с тою находчивостью, которая ни на минуту вас не покидает.

Пойдемте далее: ночью на коне переправился я вплавь через Скамандр; скакал по Троянской равнине, усеянной мраморными обломками храмов, колонн и статуй; на развалинах Троянской твердыни, или древнего Илиума, приветствовал восхождение солнца, того же самого, которое озарило и славу, и падение многих, коротко вам знакомых и приснопамятных героев *Илиады*; был при гробнице Гектора, на скорую руку сооруженной Троянами во время перемирия, дарованного им Ахиллесом, и которая еще и теперь, – так ли, или не так ли, – но загромождена наваленными камнями, как значится у Гомера. Выходил я и на могилу Ахиллеса, которая величественно и одиноко стоит в виду моря. Я обошел ее почтительно кругом, но не разделся наголо, подобно Александру Великому, и даже не обнажил головы, чтобы не опалиться знойным солнцем. Я пил ключевую воду, ту же самую, в которой некогда жены Троян и прелестные дочери их мыли свое черное белье, и, не смотря на древность этой воды, находил в ней необыкновенную свежесть и заметил, что она

нисколько не отзывается мылом, которым могла бы провонять эта известная портомойня. Это навело меня на догадку, что вероятно мыло есть уже новейшее изобретение и не было еще в употреблении во времена Троянской войны. Впрочем смиренно предлагаю вам мою догадку и предоставляю решить ее. Слишком было бы дерзко мне кидать вам пыль в глаза, или мылить их мнимою моею ученостью. Я далек от этого. Напротив, надеюсь при свидании с вами передать на любознательное и опытное внимание ваше некоторые из моих недоумений и сомнений, чтобы с вашею помощью мне самому безошибочнее и основательнее исследовать и проверить мои личные, но беглые впечатления. Не смею даже сам собою решить и главный вопрос, который для многих остается еще сомнительным, а именно: был ли у меня под глазами Илион, или не он? но во всяком случае смею удостоверить, что тут что-то было. А доказательства тому представлю после.

Но как попал я в Дарданеллы, или по-турецки в Богаз-кале-си (Кале – по турецки значит крепость; а что значит *богаз*, виноват – не знаю, вероятно взято с славянского языка, и просто все вместе означает: Бога крепостца, т.-е. Божья крепостца; спросить у Тютчева), а оттуда в Троаду? спросите вы меня. Вот это требует искренней исповеди, в которой изобразится не самая похвальная и блестящая часть моей Одиссеи. Знайте же, что мы 4 августа ночью сели на пароход с Титовым, Андреем Муравьевым, Войцеховичем, Тру-

бецким, Сталем, тремя Русскими художниками, и держали путь на Афонскую гору. Первые сутки плавания нашего, как вообще всякого плавания, прошли очень благополучно. Море ласкалось к нам и небо улыбалось. Я давно заметил, что первый день плавания в море обыкновенно похож на первый медовой месяц новобрачных. Союз самый миролюбивый: упиваешься пегою и счастьем. Убаюканное воображение не предвидит в будущем ни расстройств, ни размолвки, никакой точки преткновения. Так было и с нами. Мы уже переплыли Мраморное море, Гелеспонт, приветствовали поэтическим воспоминанием берега, прославленные любовью Геро и Леандра и самохвальством Байрона. Перед нами рисовались украшенные блеском баснословных преданий и действительно прелестью своих очерков и Имброс, и Тенедос, и гора Ида, и снежные вершины Самофракии. Заметьте еще притом, что вся эта живая картина была облита и согрета чудесными лучами заходящего солнца, какого ни в Риме, ни в Неаполе я никогда не видал. Зарево чисто золотого сияния, или, если хотите, и что по-моему еще ближе к истине, нежно-лимонного цвета, обняло края видимых нами небес. Вообще небо, когда войдешь в Дарданеллы, уже отражается особенною синевою, которая на Босфоре еще довольно тускла и мало чем отличается от нашего северного неба, впрочем, заметить должно, за исключением звезд, которые здесь горят и блещут несравненно светлее наших вообще лунных ночей, составляющих едвали не исключитель-

ную принадлежность и прелесть берегов Босфора.

В подобных созерцаниях и наслаждениях пробыли мы на палубе до полуночи и отошли в свои каюты с уверением, что проснемся к семи часам утра у подошвы Афонской горы. Скоро сказка сказывается, но не скоро и не так дело делается. Мы только что улеглись, а ветер тут и поднялся. Сперва начал он свежить и посвистывать, а там уже пустился дуть во всю мочь и реветь. Море уже не улыбалось нам по-прежнему, а бешено и дико хохотало, волнами заливало палубу, швыряло пароход наш то в ту, то в другую сторону. Пароход наш, нечего греха таить, был сложения не крепкого и не в силу было ему бороться с неприятелем, который с каждым часом все становился сердитее и наступательнее. Утомленный, он уже почти не подвигался вперед, а только что держался на море и страшно плясал в присядку на одном месте. Так провели мы несколько мучительных и продолжительных часов. Вы на море бывали, следовательно знаете, что такое морская качка и все её последствия внутренние и внешние, тайные и невольно от избытка сердца изливающиеся. Между тем ветер все продолжал свежить, так что, признаюсь, меня но коже и под кожей подирал мороз. Наконец капитан парохода пришел объявить Титову, что благоразумнее будет повернуть назад и что по слабости парохода он долее за него не отвечает. Так и было сделано. Мы бросили якорь у Имброса и выждали конца бури под его благодетельною защитою. При обратном входе в Дарданеллы нашли мы русский

военный корвет, который тоже, как мы, не знал куда деваться от ветра, стоял прикованный к месту и тосковал по южном ветре для свободного входа в пролив. Командир корвета, явившийся к Титову, брался благополучно и скоро доставить нас на Афонскую гору. Это предложение соблазнило Титова. В течение 20-летнего пребывания своего в здешних краях он несколько раз собирался посетить древние и знаменитые монастыри, и сборы его все оставались неудачными. Обидно и больно было ему на полупути отказаться от цели, долго ему не дававшейся. Для Муравьева Афонская гора была еще привлекательнее. Она стояла на первом плане предначертанного им путешествия и он полагал пробыть на ней месяц или более. Разумеется, он последовал примеру Титова. Отважная молодежь паша и не задумалась, особенно Трубецкой, который в блаженном неведении проспал ведро бурю и не видал её даже и во сне. Дошла очередь до меня. Каюсь в малодушии моем. Но бурная ночь так измучила меня физически и нравственно, или нервически, так часто во время тревоги и тоски приходило мне в голову, что куда и зачем я пускаюсь во все тяжкия, что мне суждено заснуть на месте, а не наездничать по волнам и по суше и вызывать на рукопашный бой трудности и опасности, с которыми бороться не умею; все это и многое другое так живо представилось мне, так убедительно и прискорбно проникнуло меня, что я отказался и от корвета, и от Афонской горы и от храбрых спутников моих. Бедный инвалид телом и духом, остался я на

инвалидном пароходе, столь же дряхлом и малодушном, как я. Грустно и обидно было мне смотреть на отважный корвет, который бодро поднялся с места и, легкий на ходу, стал рассекать и топтать волны, как будто насмехаясь надо мною и над трусостью моею. Перед ним и счастливыми, которые доверились ему, все более и более расширялся горизонт и светлело будущее, а я оставался при одном прошедшем. Судьба сжалилась надо мною и дала мне товарища, с которым мог бы я поделиться стыдом и унынием; в отступлении на пути богомолья последовал за мною, и кто же? один из представителей нашего Святейшего Синода – Войцехович! Это меня несколько утешило и облегчило совесть мою. Мы вышли с ним на берег в Дарданеллах. Отказавшись от душевного подвига, мы вспомнили языческих богов и решились посетить Троаду. Наш консул Фонтон взялся быть нашим вожатым. В старые годы я мог бы подумать, что судьба не без умысла подвернула мне Дарданеллы вместо Афонской горы. Вы знаете, что она не только недоступна женщинам, но что на ней не видится никакая тварь женского рода (впрочем за исключением блох, которых, говорят, там множество). В Дарданеллах, напротив, на первом шагу встретила нас законная представительница прекрасного пола, жена Фонтонна, гречанка, в национальном головном уборе и в черной бархатной, золотом шитой, национальной одежде, которая придавала необыкновенно живописную и поэтическую прелесть красоте её. В старые годы не обошлось бы тут без

отношений и стихов. Но поэзия рифм и поэзия впечатлений на меня уже не действуют. 14 судьба осталась при анахронизме своем. Позавтракав, сели мы на коней. Наш караван был довольно живописен. Нас всех было человек десять и в числе их турецкие кавасы (род полицейских телохранителей), греки, все вооруженные на всякий случай саблями, пистолетами, ружьями, красиво переброшенными за плечи, в чалмах, в разноцветных колпаках, в широких шальварах, более похожих на юбку, нежели на мужское исподнее платье, в разноцветных куртках, или, пожалуй, *зипунах* (по-турецки зебун). За редкими исключениями, дорога нам лежала по песчаному и голому берегу моря и по степи, выжженной солнечным зноем. Кое-где мелькали колючие кустарники и тощие деревья. О зелени, о траве и не спрашивайте. О цветах и подавно. Лето, как язва, здесь все поедает. Благодать природы и человеческий труд редко давали знать о себе малыми участками обработанных полей и на некотором расстоянии один от другого ключами, камнем обложенными, откуда истекала довольно тепловатая, по чистая вода. Тут караван наш делал коротенький привал для утоления жажды коней и всадников. Эти фонтаны, разбросанные по всему лицу Турецкой земли, по городам, селениям и полям, едвали не одни свидетельствуют о присутствии человеческой мысли и чувства посреди бессмысленного и мертвого владычества Турков странною, которая только ждет пособия человеческой деятельности и заботливости, чтоб удовлетворить всем потребностям

и наслаждениям жизни. Большая часть фонтанов (некоторые из них устроены с роскошью) сооружены вследствие богоугодных завещаний зажиточных Турков, которые определяли капитал, дабы по смерти своей утолять, если не духовную (здесь еще не пробужденную), то по крайней мере телесную жажду бедных и томящихся земных странников – и за то спасибо! Есть по истине за что благословить добрым словом память усопшего благодетеля. В слепоте своей, он как-будто угадал слова неведомого ему Спасителя: «кто напоит одного из малых сих чашею холодной воды, тот не лишится награды своей». – От того ли, что Магомет запретил им хмельное, но Турки большие охотники до воды, и прихотливые и взыскательные ценители. Где ключ свежей и вкусной воды, там уже непременно и кофейная, и сборное место гуляющих, т. е. неподвижно сидящих Турков и Турчанок. Здешняя гулянья нечто иное, как *посиделки*. Впрочем это встречается в нашем и простом народе и среднем классе. Вообще удостоверяешься здесь, что многие наши старинные и в народе сохранившиеся обычаи перенесены к нам с Востока. Россия, лежащая на крайних рубежах Запада и Востока, должна была по неволе забираться то тем, то другим, налево и направо. Напрасно ставят это нам в вину.

В сторону от дороги посетили мы развалины, или, правильнее, место, на коем стоял в древности храм Аполлона, ныне усеянное мелкими мраморными обломками. На этой земле, преданной опустошению, нет даже и развалин. В раз-

валинах сохраняется память старины, а здесь в царстве смерти и ничтожества заглох и этот посмертный голос минувшего.

Далее, въехали мы в греческое селение *Ренкёй* построенное на краю уже известной вам горы Итьгельмэз, поросшей лесом, что здесь весьма редко, ибо горы здесь обыкновенно лысые и голые, изрытые и загроможденные камнями. Место живописное и светлое, с обширным видом на море, иллюстрированное поэзией Гомера, который здесь один всюду и всегда жив и все собою наполняет. Селение, как и все греческие селения, отличается некоторою опрятностью и благовидностью, в сравнении с турецкими селениями, запечатленными мерзостью и запустением. Здесь также повеяло на меня Русью. Греческие поселянки напомнили, одеждою и некоторыми приемами, наших крестьянок. Особенно старухи. Молодые, не во гнев будь сказано нашим, вообще стройнее и красивее русских.

В доме, где остановились мы, чтобы дать отдохнуть себе и лошадям, где выпили мы но чашке неизбежного кофе, выкурили по трубке и утолили горячую внутренность нашу несколькими ломтями довольно безвкусного арбуза, нашли мы двух сестер замечательной красоты. Жаль, что не было между нами живописца. На всем пространстве от Дарданелл до Трои одно это селение и окружность его услаждает зрение живого, здоровою и цветущею природою. Все прочее носит отпечаток бесплодия, болезненности и помертвения. Во-

обще, турецкая природа, даже там, где она оживлена движением и разнообразностью, имеет что-то грубое и дикое, без благородства и величавости. Все как-то смешано, сбито, взъерошено. Нигде не отделяются стройные, чистые облака, которые образуют особенную прелесть картинной Италии. В Италии и сама природа отличается какою-то художественною отделкою. Здесь все чего-то недостает. Любуешься картиною, говоришь: прекрасно! а за восклицанием невольно вырывается возразительно – но! В чем заключается это *но* и все то, что из него изливается – выразить трудно и невозможно. Есть убеждение, но не приищешь доказательства. Впрочем, сила этого *но* таится, может быть, не в окружающей меня природе, а во мне самом. Я болен и мне кажется, что природа больна. Во всяком случае примите мое суждение только к сведению, а не за окончательный приговор. Сужу пока по виденному мною, а многого я еще не видал. Может быть после, когда прояснится мое сердечное зрение, когда более ознакомлюсь с здешними местностями, ожидают меня впереди впечатления, которые во многом исправят мое настоящее неблагоприятное предубеждение. Пока остаюсь при своем мнении, а именно, что природа здесь местами живописна, но что в ней мало поэтического; что свойство красоты её более вещественное, нежели духовное, ничто не умиляет души сладостным унынием; что скорби не отраднo думать здесь о прошедшем и радости мечтать о будущем. Одним словом, здесь, как народ, так и природа, обезжизнены, как будто и на

нее повеял тлетворный дух неподвижного исламизма. За то если это не страна поэзии, – живописи здесь обильная жатва. Все так и ложится под кисть и карандаш живописца. Эти стада верблюдов, кочующих в степи; водопои, в которых кони наши утоляли жажду свою; огромные, волами и буйволами запряженные, колесницы, как будто сейчас только-что вывезенные из сараев царя Приама, с хлебом и другими полевыми произведениями; доски, которые тащутся по земле и молотят сырой хлеб, также вероятно допотопное, или по крайней мере до гомерическое орудие молотьбы, все это и тысячу других подробностей – драгоценная находка для живописца, особенно когда оживить и распестрить картину резко означенными лицами и странностью одежд и уборов, когда озарить и согреть картину блеском восточного солнца и воздуха, а вдали пролить голубое сияние моря.

Между тем, чтобы не остаться хвастуном, нужно мне пред окончанием повествования моего сделать маленькую оговорку. Читая в начале письма моего, что я вплавь и еще ночью переплыл реку, которую боги наименовали Ксанфом, а смертные Скамапдром, вы без сомнения предались вашим гомерическим воспоминаниям и трепетали за меня. Перед вашим воображением оживотворилась 21 песнь *Илиады*. Вы видели во мне Ахиллеса, бросившагося в Скамандр; вам представилось, что я подобно ему борюсь с божественною и гневною рекою, которая гонится за мною и грозит затопить меня своими поглощающими волнами. Вслед за Гоме-

ром пришел может быть вам на ум Байрон, переплывающий залив, чтобы лишить Леандра славы, которую он ни с кем нераздельно пользовался в продолжение нескольких веков, а еще более, чтобы, в лице Геро, усмирить спес красавиц и доказать им, что подвиг Леандра плевое дело и что красоте несколько не следует гордиться этою данью; я вижу, что глаза ваши увлажнились слезами, слышу как голосом, дрожащим от сердечного волнения, восклицаете вы: «воля ваша, господа, а подвиг дяди моего еще поотважнее и почище подвига британского лорда! и смотрите, как он скромно о нем отзывается. Патриотическому сердцу моему усладительно видеть, что наши отечественные сочинители ни в чем не уступают чужеземным, а по нравственному достоинству еще во многом превосходят их. С каждым днем более и более горжусь именем Россиянки!»

Софья Николаевна, ради Бога, успокойтесь, выкушайте водицы и закурите пахитос. Восторг ваш крайне для меня лестен, он умиляет душу мою признательностью к вам. Но дайте вам доложить всю правду. Совесть моя не позволяет оставить вас в заблуждении. В подвиге моем не было никакого подвига. Я не Леандр и не Ахиллес и не лорд Байрон. Не знаю, что был Скамандр во время десятилетней осады Трои, но ныне эта знаменитая река самая мелкая реченка, которую курица безопасно в брод переходит. Правда, сказывают, что и в наше время зимою накапливается она водами, стекающими с гор, широко разливается и затопляет все окрестности. Но

тут, уверяю вас, не подвергался я ни малейшей опасности.

На другой день, вечером, возвратился я в Дарданеллы, ночевал под гостеприимным кровом красивой гречанки, а на следующее утро сел на французский пароход, битком набитый беглыми мятежниками венгерскими, польскими, сицилийскими, римскими, и отправился и благолучно прибыл в Константинополь. Ночь была тихая и плавание самое покойное, так что мне ни разу не сгрустилось, то-есть не стошнилось. И слава Богу что не было бури, а то при устройстве пароходной команды могла бы случиться беда. Капитан парохода был отчаянный социалист, а прочие офицеры отъявленные охранители и легитимисты. Офицеры и капитан были в непримиримой вражде и не говорили друг с другом. Вероятно они воспользовались бы бурей, чтобы потопить один другого и мы сделались бы жертвами этой междоусобной ненависти.

Теперь, что я возвратился, если мне поверить итог моих впечатлений и того, что вынес я из моей поездки, вот что окажется: во-1-х, убеждение, что я в море ни на что не го-жусь, а на сухом пути еще могу постоять за себя и не хуже Софьи Николаевны просидеть несколько часов на коне; во 2-х, некоторые приятные воспоминания о Троеде и глубокая грусть и скорбь, что не попал на Афонскую гору.

Константинополь. 7 Апреля, 1850.

Nous avons dîné chez Paul; le soir concert de Svet-cliiine

(?), nous n'y sommes pas allés; à 11 ¹/₂ quelques personnes se sont réunies pour prendre le thé, les Golitzine, Fossati, Timoféew, Gabriac et les M-rs de la mission. Dans l'avant-soirée Sir Stratford Canning est venu prendre congé de nous; il nous a dit, entre autres choses, qu'il n'y avait que deux honnêtes hommes en Europe,— les Russes et les Anglais, en faisant sous-entendre que les nations sympathisaient déjà entr'elles, et que c'étaient les gouvernements, c. à d. probablement, selon lui, le gouvernement russe, qui y mettait des obstacles; d'après son opinion, c'est la mauvaise foi et les promesses non remplies de la part des gouvernements, qui sont en grande partie cause de toutes les révolutions, auxquelles l'Europe est livrée aujourd'hui. Il vaut mieux, disait-il, ne rien promettre et faire ce que l'on peut pour le bien de ses sujets. Un peu après minuit, Golitzin est venu me dire que Marco venait de lui annoncer qu'il y avait une secousse de tremblement de terre; au salon personne de nous ne s'en est douté; Mariani, qui venait de rentrer au palais, a confirmé la nouvelle; nous sommes allés aux enquêtes, et de toute part effectivement il nous est revenu, que la secousse avait été assez forte. Nous nous sommes couchés après une heure du matin. Vers les deux heures et demie je me suis réveillé et quelques minutes après, les fenêtres ont tremblé et une assez forte commotion s'est fait sentir; mais comme il faisait obscur, nous n'avons pu voir aucune oscillation dans la chambre. Ma femme avait senti son lit manquer sous elle; elle avait éprouvé une espèce de défaillance; quant à moi, j'ai eu une forte palpitation,

eu général une impression très pénible, et quelques instants de terreur panique. Dans l'étage d'en haut Troubetzkoy a éprouvé une secousse plus forte, et l'archimandrite, avant le mouvement, a entendu comme un bruit de pas et de voix, qui semblaient parcourir le palais, que Titoff a visité le lendemain, sans trouver aucune crevasse. Dans la maison de bois qu'occupent Paul et Marie, le mouvement a été plus sensible, et ils ont vu, comme les murs allaient et venaient d'un côté et d'autre. On prétend qu'à Gheures du matin, il y a eu encore une 'légère secousse; la journée n'avait pas été chaude, et le soir il pleuvait et faisait même froid. D'après les descriptions, que l'on fait des tremblements de terre, on dit ordinairement le nombre de secondes qu'ils durent, et le calcul me paraît fort sujet à caution, car il faudrait avoir les yeux fixés sur la montre à la première commotion et ne pas la perdre de vue pendant toute la durée du tremblement de terre pour que le calcul soit juste. Quelqu'un m'a dit à cela, que c'était d'après les paroles ou les prières, prononcées pendant cette terreur, qu'on arrêta le calcul.

Le Samedi 8 (20) l'aui et Marie sont venus prendre congé de nous chez d'Ettoniano (?) dans l'appartement vide des Golitzine, qui étaient allés prendre congé de Buyuk-déré; ils nous ont reconduits, avec les Titoff, jusqu'à l'échelle de Topkhaua; une chaloupe russe nous a conduits à bord du bateau l'Africa de la compagnie Lloyd. Entre 4 et 5 heures on a levé l'ancre, l'air était froid, la mer calme et nous nous embarquâmes avec le projet de nous rendre à Jérusalem. Le pont du bateau est envahi

par des Turcs hommes et femmes; ils sont parqués séparément, comme des moutons, et y passent le jour et la nuit avec un tas d'enfants. Spectacle aussi sale que pittoresque; le bateau à vapeur a rompu la captivité et l'invisibilité des femmes turques; elles sont là exposées à la vue de tout le monde, et accessibles aux questions qu'on leur adresse. Une espèce de чиновник turc, d'assez liante dignité, qui se rend à Damas, une foule de serviteurs à ses côtés, nous a offert du café turc; il fume dans un bout d'ambre enrichi de diamants. En général, je trouve beaucoup de bonhomie dans les Turcs. Deux petites biles anglaises: l'une de dix, l'autre de six ans, voyagent toutes seules et se rendent à Smyrne pour y être placées à l'école.— Vers 4 heures du matin, le Dimanche 9 (21), nous nous sommes arrêtés pour une demie heure devant Galipoli, et à 7 heures – devant la forteresse des Dardanelles. Fonton est venu nous voir à bord; un batelier nègre, nommé Sélim, d'une grosseur immense, espèce d'éléphant à deux pieds, toujours riant et gai, est connu dans le pays comme le loup blanc; Fonton nous a dit qu'il était d'une force prodigieuse pour soulever des poids énormes, et méchant, ce qui l'avait souvent mené à être mis en prison. Arrêtés pour un quart d'heure devant Ténédos, rocher désert, avec un fort et quelques habitations sur le bord de la mer; mes anciennes connaissances – la plaine de Troie et le tombeau d'Achille, les sommets neigeux, la mer bleue d'un tout autre éclat que le Bosphore; le temps continue à être beau, et la mer calme, nous faisons 11 noeuds à l'heure; mais le bateau Anglais, parti un peu après nous de Constantinople, nous a cependant dépassés; il

est de la force de 450 chevaux et le nôtre ne l'est que de 250.— Notre capitaine est très prévenant et comme il faut; on a hissé le pavillon russe en notre honneur.

Останавливались пред Сар Ваба – серые берега, на которых торчат серые строения, то есть лачужки, землянки. Нет мне удачи на море: если не своя беда, то чужая навяжется. Мы плыли благополучно и скоро; но пароход Триестский, с которым мы должны были встретиться в первую ночь, не попался нам. Наш капитан озабочен был мыслью, что с ним сделалось. Мы прошли мимо островов..... у которых стояла французская эскадра во время размолвки нашей с Турками. Подальше, не доходя до острова Митилена, стоят скалы в море и мель. На нее наткнулся Триестский пароход и пробился о камни. Мы пошли ему на выручку вместе с английским пароходом, который вместе с нами плыл в Смирну, но все усилия были напрасны. Английский пароход очень ловко действовал, лучше австрийского. Капитан наш решился остаться тут до утра, чтобы пересадить пассажиров и в случае непогоды помочь кораблю, в котором открылась течь. Волнение и ропот между турецкими пассажирами. Турецкий чиновник Бей сердился и требовал, чтобы к вечеру, по условию, доставили его в Смирну. Солдаты и черный народ говорили, что они взяли съестные припасы до вечера. Жиды и переметчики приходили сказывать, что ночью солдаты собираются сделать *революцию*, если не отправятся. К утру пересадили к нам около двух сот пассажиров и в 7 часов поднялись мы с

якоря. Таким образом, на одном и том же пароходе и в одно и то же время были люди плывшие из Смирны и плывшие в Смирну.

Остров Митилен. Красивое местоположение, крепость на возвышении и дачи на морском берегу. Все усажено масличными деревьями довольно высокими. От жестокости нынешней зимы они много пострадали. Бросили якорь в Смирнской гавани часу в 4-м по полудни, в понедельник 10 апреля. Остановились в лучшей гостиннице, довольно плохой – *Les deux Augustes*. Улица Франков довольно красивая улица с хорошими домами. Кофейная на берегу моря – *La bella vista*. В числе наших пассажиров смуглый дервиш, род турецкого юродивого.

11. Дождь. Нельзя гулять. Парохода австрийского в Бейруте нет. Все пошли на выручку погибшего товарища и мы сидим на мели. Скучно. Не читается, не разговаривается. Всякое новое место, пока к нему не привыкну, возбуждает во мне не любопытство, а уныние. Шатобриан, заметки о Смирне, извлечение из *Choiseul*. Недоумение: не отправиться ли с английским пароходом! Австрийская компания не возвращает нам денег, уплаченных до Бейрута. Несправедливо, потому что несчастье случилось не с нашим пароходом и не с тем, на котором должны мы были отплыть, следовательно нет законной причины держать нас.

12. Мы все еще в Смирне. О пароходе нет ни слуху, ни духу. Многие дома, в квартале Франков, особенно греческие,

могут вероятно дать понятие о строениях, которые были в Помпее. Чистые сени с мраморным полом, или камушками белыми и черными на подобие мозаики (камушки эти привозятся из Родоса); за сенями вымощенный двор, потом садик, убранный лимонными и померанцевыми деревьями; далее терраса на море. Все очень чисто и красиво. Все лестницы и корридоры устланы коврами. Мы заходили в некоторые дома; очень радушно были приняты. Дома здесь строятся как в Нере, деревянными рамами, которые обкладывают глиной и камнями, сверху штукатурка; а иные дома обложены мрамором; почти все дома в беспорядке в отношении к мебели. Вследствие многократных землетрясений, бывших в течении месяца, в опасении новых, — многие жители даже выехали из города. Дома напоминают Помпею, а может быть та же участь угрожает и Смирне. Вчера был я у нашего консула Иванова. Он здесь уже 19 лет, любитель древности. У него несколько мраморных бюстов, обломков замечательных. Кажется тихой и малообщительный человек. Базар меньше Константинопольского. Дом еврея Бенямина Мозера, русского подданного. Навязавшийся на меня чичероне, жид, чтобы похвастать своим соплеменником, водил меня туда. Большой, даже чистый дом, с прекрасным видом. Хозяина не было дома; но меня в нем приняли и угощали три женские поколения. Жена сына, Султана, красавица, белокурая жидовка; вышла замуж 11 лет, теперь ей 14 и кажется беременна. Кофейная перед садом. Тут, по вечерам,

сходятся сидеть и гулять. В квартале Франков есть Улица Роз, не знаю почему так названная, но я не видал в ней ни роз на ветках, ни роз в юбках. Турчанки закрывают здесь лица черным покрывалом. Вечером были мы в кофейной, на берегу моря, *La bella vista*; музыка. Под эту музыку греческие мальчишки, рыбаки, импровизировали довольно стройные скачки. Сегодня был опять на базаре, потом ездил я с баварским нашим спутником бароном Шварцом, на ослах, на Мост Караванов на Мелесе, реке известной Гомеру. По этому мосту проходят все караваны верблюдов, идущие из Малой Азии; но при мне не прошло ни одного верблюда, также не видал я на улицах ни одного Смирниотского женского костюма, о котором так много слышал. Но красота Смирниоток не вымышлена; на улицах много встречаешь красавиц. Местоположение Моста Караванов красиво. Мелес льется с шумом. Кладбище с высокими кипарисами; вдали горы. Вообще все города на Востоке ряд кофейных, торговых лавок и кладбищ. Здешний паша Галиль, которого мы кажется видели в Москве у Дохтуровых, говорят, человек деятельный и благонамеренный. Он назначен сюда, или сослан сюда потому, что считается приверженцем Русских, женат на сестре султана и удален из Константинополя влиянием Решид-паши. В Самосе было на днях большое кровопролитие. Жители недовольны управлением Вогоридеса, или его поверенных и просили о перемене его. Недовольных взяли под стражу, несколько сот человек пришли из деревень просить об их

освобождении. Их встретили выстрелами, они на них тем же отвечали. Завязалась драка. Турецкого войска было около 2000. Самоссы ушли в горы. Турки бросались в греческие дома и начали резать все, что ни попадалось: женщин, детей; ворвались в церкви, разграбили их, повыкидали все образа. Мустафа-паша, адмирал командующий войсками, отправился в Копстантиноль с некоторыми из зачинщиков Самосских. Одна часть недовольных сдалась, но другая все еще требует смены Вогоридеса. Вогоридес покровительствуем Решид-пашою, и пользуясь этим покровительством, отягощает народ большими и незаконными поборами. Кажется должен он вносить в казну до 400,000 пиастров, а собирает с него более двух миллионов. Ничего нет скучнее и глупее как писать или диктовать свой путевой дневник. Я всегда удивляюсь искусству людей, которые составляют книги из своих путешествий. Мои впечатления никогда не бывают плодovitы, и особенно не умею я их плодить. Путешественнику нужно непременно быть немного шарлатаном.

Grégoire Abro, interprète du consulat général. Mardi 8/20 Avril arrivés à 6 heures du matin à Beyrouth, Mercredi 19 nous repartons pour Jaffa. Nous avons écrit à Paul par M-r Titoff. Jeudi 13/25 Avril, entre 4 et 5 heures de l'après dîner, nous nous sommes embarqués pour Rhodes, où nous sommes arrivés Samedi soir le 13/27. Nous avons passé la nuit à bord et sommes repartis pour Chypre; nous sommes arrivés Dimanche le 16/28. Nous en sommes repartis Lundi soir le 17/29 et sommes arrivés

à Beyrouth le 18/30. Nous sommes repartis mercredi soir pour Jaffa, où nous sommes arrivés jeudi matin et repartis le même soir pour aller coucher à Ramlé, couvent grec. Vendredi, avant l'aube, nous nous sommes remis en route et sommes arrivés à Jérusalem à temps pour la cérémonie du Vendredi saint. Le 21 Avril 1850. Nous avons écrit à Paul par M-r Titoff de Jérusalem le 23, et remis la lettre à l'agent du Lloyd, M-r Laurollo.

Схимонах Кирилл монастыря Св. Саввы – отставной унтер-офицер лейб-гвардии егерского полка. В монастыре с 1842 года. Имеет прусский крест – настоящий крестоносец древних времен. С жаром говорит о Кульмеком сражении. Добрый и простой старик.

Nous partons, 25, Mardi à 4 heures du matin avec Wolkoff et le Pr. Hilckoff pour Jéricho, le Jourdain et la Mer Morte. Notre expédition a été des plus heureuses et des plus agréables; nous sommes revenus le jeudi 27 Avril et nous sommes repartis, 28, Vendredi, les M-rs pour le couvent S-t Saba; ils coucheront (?) à Bethléem, où je vais les attendre. Le mitropolite de Bethléem m'a donné un débris de la table de marbre, posée par l'impératrice Hélène sur l'endroit même où naquit Jésus. Au nombre de clefs, qui renferme celle, avec laquelle il ouvrait l'armoire où étaient déposés ces restes sacrés et d'autres, il est impossible de douter du cas qu'il fait et de l'authencité de ces reliques. Il m'a donné des débris de mosaïque de la grande église, fondée par l'empereur Justinien et restaurée par les soins de l'impératrice Hélène, où se trouvent cinquante colonnes de marbre. Mon mari

а été indisposé, ce qui fait que nous ne sommes repartis pour Jérusalem que Dimanche, le 30, après avoir entendu la messe, moitié arabe, moitié russe. Mardi, 2 Mai, j'ai entendu une messe toute russe au Golgotha.

На острове Родосе замечательна улица *Рыцарей*, в которой хорошо сохранились древние здания с гербами, девизами и пр. Ныне гнездятся в них Турки. Мы заходили в сад турка, который при нас наблюдал за работами в своем саду. Прекрасные померанцевые деревья и самый здоровый климат. Жители долголетни. На острове Кипре город Ларнака; нас тут приняли очень радушно и духовенство и светские жители; вероятно и потому, что из Смирны были мы на пароходе с Кипрским жителем, который отрекомендовал нас своим соотчичам. В особой записке значатся имена всех лиц, с которыми мы, в течение трех или четырех часов, познакомились и подружились. Духовенство монастыря Си, Лазаря, который, по воскресении своем, жил и умер на острове Кипре, подало мне записку об исходатайствовании им дозволения звонить в колокол. При входе моем в монастырь в колокол звонили, но просили меня, на всякий случай, если турецкое начальство будет взыскивать за это нарушение общего постановления, сказать, что я привез этот колокол в дар монастырю и сделан был нами один опыт. В Ларнаке нашел я греческого архимандрита, который был в Петербурге и показал мне письмо к нему князя Александра Николаевича Голицына и я узнал в нем почерк Александра Тургенева. Кипр

один из самых жарких мест В последних числах апреля местами жатва была уже окончена, а местами еще продолжалась; но климат, говорят, нездоровый. Яффа окружена садами апельсиновыми.

Свод безоблачно-синий
Иудейских небес,
беспредельность пустыни,
Одиноких деревьев
Пальмы, маслины скудной
бесприютная тень,

Позолотою чудной
Ярко блестящий день.
По степи – речки ясной
Не бежит полоса,
По дороге безгласной
Не слышать колеса;
Только с ношей своею
(Что ему зной и труд?)
Длинно вытянув шею,
Выступает верблюду;

Ладия и телега
Сих безжизненных стран,
Он идет до ночлега;
И за ним караван,
Иль, бурнусом обвитый,
На верблюде верхом,

Бедуин сановитый,
Знойно-смуглый лицом.

Словно зыбью качаясь,
Он торчит и плывет,
На ходу подаваясь
То назад, то вперед.
Иль промчит кобылица
Шейха с длинным ружьем,
И кружится, как птица,
Под лихим седоком.

Помянув Магомета,
Всадник, встреться с тобой,
К сердцу знаком привета
Прикоснется рукой.
Полдень жаркий пылает,
Воздух – словно огонь;
Путник жаждой сгарает
И томящийся конь.

У гробницы с чалмою
Кто-то вырыл родник;
Путник жадной душою
К хладной влаге приник.
Благодетель смиренный!
Он тебя от души
Помянул, освеженный
В опаленной глуши.

Вот под сенью палаток
Быт пустынных племен:
Женский склад – отпечаток
Первобытных времен;
Вот библейского века
Верный сколок: точь в точь
Молодая Ревекка,
Вафуилова дочь.

Голубой пеленою
Стан красивый сокрыт;
Взор восточной звездой
Под ресницей блеснит.
Величаво-спокойно
Дева сходит к ключу,
Водонос держит стройно,
Прижимая к плечу.

В поле кактус иглистый
Распускает свой цвет.
В дальней тьме – каменистый
Аравийский хребет.
На вершинах суровых
Гаснет день среди зыбей
То золотых, то лиловых,
То зеленых огней.

Чудно блещут картины

Ярких красок игрой.
Светлый край Палестины!
Упоенный тобой,
Пред рассветом, пустыней
Я несусь на коне
Богомольцем к святыне,
С детства родственной мне.

Шейх с летучим отрядом –
Мой дозор боевой
Впереди; сзади, рядом
Вьется пестрый их рой.
Недоверчиво взгляды
Озирают вокруг:
Хищный враг из засады
Не нагрянет ли вдруг?

На пути, чуть пробитом
Средь разорванных скал,
Конь мой чутким копытом
По обломкам ступал.
Сон – под звездным наметом;
Запылали костры;
Сон тревожит налетом
Вой шакалов с горы.

Эпопеи священной
Древний мир здесь разверзт:
Свиток сей неизменный

Начертал Божий перст.
На Израиль с заветом
Здесь сошла Божья сень:
воссиял здесь рассветом
Человечества день.

Край святой Палестины,
Край чудес искони!
Горы, дебри, равнины,
Дни и ночи твои,
Внешний мир, мир подспудной,
Все, что было, что есть, –
Все – поэзии чудной
Благодатная весть!

И в ответ на призыванье,
Жизнь, горе взлетев,
Жизнь – одно созерцанье
И молитвы напев.
Отблеск светлых видений
На душе не угас:
Дни святых впечатлений
Позабуду ли вас?

Иерусалимский паша сказывал мне сегодня, мая 4, что жителей в Иерусалиме около 30 тысяч и что на Пасху пришло в нынешнем году до 30 тысяч поклонников христиан и мусульман. Мусульмане в тоже время приходят на поклоне-

ние мнимой Моисеевой гробнице вблизи Иерусалима. Это мусульманское богомольство учреждено, кажется, с недавнего времени, чтобы на время необыкновенного стечения христиан в Иерусалиме усилить мусульманское народонаселение: ибо Турки все боятся, что христианские поклонники когданибудь да овладеют Иерусалимом.

Гефсимания. У Матфея: «И воспевше, изыдоша в гору Елеонску» (26, 30) «Тогда прииде с ними Иисус в весь, нарицаемую Гефсимания» (26, 36).

У Марка: «И воспевше, изыдоша в гору Елеонскую» (14, 26). «И приидоша в весь, ейже имя Гефсимания» (14, 32). Вообще многое в последних главах Марка повторение, и почти слово в слово, сказанного Матфеем.

У Луки: «И исшед иде но обычаю в гору Елеонскую: по нем же идоша ученицы его. Быв же на месте (каком – не сказано), рече им: молитесь...И сам отступи от них яко вержением камене, и поклон колена моляшеся» (22, 39-41). О Гефсимании не упоминается.

У Иоанна: «И сия рек Иисус, изыде со ученики своими на он-пол потока Кедрска (темный), идеже бе вертоград, в оньже вннде сам и ученицы его. Ведяше же Иуда предали его место: яко множицею собирашеся Иисус ту со ученики своими» (18, 1-2).

Латины показывают одно место, где молился и страдал Спаситель, а Греки другое. Вообще главная местность хорошо обозначена Евангелистами; но жаль, что хотят в точно-

сти определить самое место, самую точку, где такое-то и такое-то событие происходило. Тут определительность не удовлетворяет, а напротив рождает сомнение.

Сад Гефсимания ныне заключается в небольшом участке земли, обведенном каменною оградю. На нем растут восемь весьма древних масличных дерев. Они за несколько лет пред сим куплены Латинами. Разделяется он на два уступа: на верхнем четыре маслины и на нижнем четыре. Перед входом в ограду на лево образован огороженный камнями род закоулка. Тут, по преданию, сохранившемуся у Греков, молился и страдал Спаситель. Предание основывается на словах: *яко вержением камене*. Перед этим местом показывают в скале камни, на которых уснули Апостолы. У Латинов место моления и страдания Христа отстоит от сада гораздо далее и ниже, в *пещере* (в Евангелии не упоминается о пещере). Но вероятно Гефсиманский сад расположен был на пространстве более обширном, нежели то, которое он ныне занимает – и тогда все объясняется и согласуется, особенно же, если принять в соображение другие наименования, данные Евангелистами этой местности: *весь, в гору элеонскую*. Очевидцы не определили с математическою точностью места события; а мы по преданиям хотим все привести в математическую известность и все измерить по вершкам.

Места *Голгофы* и *Гроба Спасителя* могут быть также спорными пунктами. Иоанн говорит: «Бе же на месте, идеже распяты, верт и в верте гроб нов, в немже николиже ник-

тоже положен бе» (19,41). Этиместо, которое мне всегда казалось невразумительным, объясняется тем, что в древности *гробы*, то есть место куда складывали трупы, были всегда иссечены в скале, а не отдельные гробы, как ныне; кажется и теперь здесь не употребляются гробы, а трупы просто зарываются в землю. Во многом рождает сомнение малое расстояние, отделяющее Голгофу от сада, в котором погребен был Христос. Иоанн двукратно определяет местность *садами*: *сад* Гефсиманский и *сад* погребения. Впрочем, далее слова Иоанна: «яко близ бяше гроб, положиста Иисуса» (19, 42) могут придать вид вероятности, если не достоверности, мнению, что местности определены безошибочно. Но все эти спорные пункты должны быть поглощены общею истиною местности и не могут поколебать *веру* и удостоверение и убеждение, что рассказ Евангелия не подлежит сомнению, и в главных частях своих сообразуется с местностью, которую видим и ныне. Саженью ли ближе или далее – не в том дело; а потому и желал бы я менее топографической определенности. По мне также жаль, что место казни и погребения застроены храмом. В своем первобытном, в природном виде были бы они величественнее и поразительнее; по и то правда, по замечанию одного латинского монаха, с которым встретился я за стенами Иерусалима, что если эти места не защищены были бы зданием, то от них не осталось бы следа, от влияния непогод и набожных похищений поклонников, которые в продолжение нескольких столетий со-

вершенно очистили бы и сгладили их с лица земли.

Признаюсь откровенно и каюсь, никакие святые чувства не волновали меня при въезде в Иерусалим. Плоть победила дух. Кроме усталости от двенадцатичасовой езды верхом по трудной дороге и от зноя, я ничего не чувствовал, и ощущал одну потребность лечь и отдохнуть. Но шум и вой нескольких тысяч поклонников, который раздавался под окнами, только-что умножали мое волнение, кровь кипела, и нервы мои более и более приходили в раздраженное и болезненное состояние. Я боялся прилива крови в голову и обыкновенного моего недуга. Но все обошлось благополучно. Я пошел в храм. Наместник повел меня к Гробу Господню и на Голгофу. Я помолился, возвратился в свою келью, лег на кровать и проспал часа два, или три. Тут проснулся, встал и пошел к заутрени. Я не имею в черепе своем *шишки распорядительности*. У меня только одни те шишки, которые валяются на бедного Макара. А шишка распорядительности великое дело в жизни, а особенно в путешествии. Я не умею распорядиться часами, моими чтениями, прогулками etc. Все это не приводится мною в стройный порядок, а мутно и блудно расточается. Основа поминутно рвется. Другой еще важный недостаток для путешественника: близорукость. В зрении моем ничего ясно не отражается. Многое вижу я кое-как, а многое верю на слово другому. Третий недостаток – отсутствие топографического чувства. Не умею глазом хорошо обнять и понять какую бы ни было местность. План дома, план города

для меня тарабарская грамота. Не знаю ни в Москве, ни в Петербурге, что лежит к северу, что к югу, а тем паче в городе новом, с которым я не успел еще ознакомиться. Вообще в моей организации есть какая-то неполнота, недоделка, частью вероятно природные, а частью и злоприобретенные худыми навыками и пагубною беспечностью¹.

В долине близ Силоама довольно растительности и зелени. Земля обработана. С Елеонской горы весь Иерусалим расстилается панорамой. На верху под зданием показывают след левой стопы Спасителя, отпечатлевшейся на камне скалы. След правой стоны будто хранится в мечети Омарови. Норов говорит, что он ее видел. Мудрено, чтобы в Евангелистах ничего не было сказано об оставшемся следе, или оставшихся следах Спасителя. Вообще в Евангелии всегда глухо и неопределенно означаются местности, а в подробности и с-точностью исчисляются события, деяния и слова В боговдохновенных книгах таковая разность не может быть случайная и с нею должно бы согласоваться, не заботясь по *человеческим преданиям* и на угад обозначать достоверно, где именно происходило то или другое, когда очевидцы и бого-

¹ *Примечание автора:* В этих недостатках заключается вероятно начало болезни, которой ныне стражду (Париж 21 Декабря 1851 г.). Неужели в самом деле Иерусалим привел меня в Париж, то есть, по мнению некоторых врачей, поездка на Восток и деятельная там жизнь слишком возбудила мои нервы, а по возвращении в Россию они упали и ослабли от однообразной и довольно ленивой жизни. Во всяком случае больно, что не из Парижа попал я в Иерусалим. Ужь лучше занемочь Парижем и исцелиться Иерусалимом, нежели делать попытку на оборот.

вдохновенные летописцы не почли нужным оставить нам подробную карту с ясным означением места событий. Довольно, что главные, общие местности не подлежат сомнению. Скептицизм оспаривающий и неуместная историческая критика, опровергающая святые предания – в этом деле наука бесплодная. Но и дополнительные сведения, коими путешественники силятся будто подкрепить святость и истину Евангелия, не только излишни, но более вредны, чем полезны. Зачем призывать суеверие там, где вера может согласоваться с истиною убеждения? Зачем давать повод к спорам, прениям, опровержениям, прилепляясь к частностям? Нет сомнения, что Иерусалим нынешний стоит на том-же месте, где стоял древний; что главные окрестности его, упоминаемые в Евангелии, те же. Все это очевидно, следовательно и главная сцена Евангельских событий пред нами. А о том, что в Евангелии не сказано, то, что в Евангелии не обозначено, того и знать не нужно. Опровержения Робинсона и дополнительные указания Норова равно суетны и ничтожны. После физических и людских переворотов, испытанных Иерусалимом, от древнего города осталось разве несколько камней, и те, может быть, с прежнего места перенесены на другое. Пока не очистятся наносные груды камней, пепла и земли и не изроют почвы вокруг Иерусалима для отыскания следов древних стен и зданий, ничего не только положительного, но и приблизительного об объеме древнего города знать нельзя. Но входит ли эта реставрация в виды Промысла Божия?

Это другой вопрос. Не даром Господь признавал Иудею своею землею, Иерусалим своим городом отдельно и преимущественно пред другими краями земли, которые также дело рук Его. Нельзя сомневаться, что и ныне и до скончания веков город этот будет особенно избранным местом для проявления воли Его и судеб. Как изъяснить иначе владычество неверных в Святых местах, равнодушие к тому христианских правительств, которые спорят о Шлезвиге и Голштинии, когда Гроб Спасителя нашего в руках Турков? Видимо: «того хочет Бог – до времени, а пред Ним, один деньяко тысяща лет, и тысяща лет яко день един». К тому же, посетившему здешния места является истиною, хотя и грустною, но неоспоримою, что при нынешнем разделении Божиих церквей и при человеческих страстях и раздорах, которые еще более возмущают и отравляют это разделение, владычество Турков здесь нужно и спасительно. Турки сохраняют здесь по крайней мере видимый, внешний мир церквей, которые без них были бы в непрерывной борьбе и разорили бы друг друга. Здешний паша, в случае столкновений, примиритель церквей. Именем и силою Магомета сохраняется, если не любовь, то по крайней мере согласие и взаимная терпимость между чадами Христа. Освобождение Гроба Спасителя из рук неверных – прекрасная, благочестивая мечта; но на месте убеждаешься, что она не только несбыточна, но и нежелательна – разумеется также до поры и до времени, а эта пора тайна Бога. Сюда также относится, хотя и косвенно и

частно, вопрос о владычестве Турков в Царьграде; и изгнанию их из Царьграда пора еще не наступила. Случайное, насильственное преждевременное изгнание их было бы событие бесплодное, и более пагубное, нежели благотворное.

Одна только и есть довольно широкая и очень чистая улица в Иерусалиме, а именно та, которая окружает Армянский монастырь у Сионских ворот. В монастыре я еще не был, но рассказывают, и он содержится в большом порядке и очень богат. По ту сторону улицы сад и довольно большое место, обсаженное маслинами. Надобно отдать справедливость Армянам. И в грязной Пере армянская церковь и большой двор, окружающий ее и вымощенный каменною плитою, отличаются особенно и почти исключительно чистотою. Тут у меня много безыменных друзей, для которых я безыменное лицо. Проходя мимо, я всегда раздавал несколько пиастров бедным, которые сидят под воротами. Одна старуха из них всегда приветствует меня ласковыми знаками и вероятно благодарным словом.

9 Мая. Вчера были мы в латинском храме у вечерни, праздновали Пятидесятницу (у Латинцев празднуется здесь она три дня) и возвращение папы в Рим. Латинский монах читал проповедь на арабском языке пред сорока или пятьюдесятью Арабами и Арабками и торжественно радовался с ними, или вернее за них, вступлению папы в свой город и в свои права. Что о том думали Арабы, известно одному Богу. Монастырь очень богат церковною утварью. Много золо-

та и серебра и драгоценных камней, и много изящности в отделке. Служба совершалась с большим благочинием, и Арабы, столь шумные и дикие в Православии, здесь тихи и слушают службу в молчании и с благоговением, – по крайней мере так сужу по виденному мною. В церкви показали нам на двух молодых Оксфордских Англичан, кажется, из духовного звания, которые обратились нынешнею весною здесь в Римское вероисповедание. Православие здесь мало расширяется. Греческое духовенство жалуется на происки Латиннов и Протестантов; но Господи прости мое согрешение, кажется должно бы оно было более на себя жаловаться. Здесь нужно было бы непременно основать русский монастырь с приличным службе нашей благолепием, с певчими и пр. Все иностранцы вопиют о происках наших на Востоке, о властолюбии, духе господства, а мы и мизинцем не упираемся на Востоке. Вся забота о маленьких, дипломатических победах, которые остаются в архивах и на бумаге, а на народонаселения не изливаются. У всех держав здесь есть церкви, училища, больницы, странноприимные дома, монастыри, рассеявшиеся по всему Востоку; а у нас ничего этого нет. А может быть и то, что мы именно сильны здесь отсутствием своим и желанием некоторых, чтобы мы явились. Преждевременным явлением, мы, может быть, утратили бы силу, которою облачают нас упования и православные ожидания. Но все не мешало бы и нам иметь в надлежащих мерах, без притязания на первенство, христианский голос на земле, отколе пришло

к нам христианское учение.

Я познакомился сегодня с отцом Лифимием, бывшим секретарем и библиотекарем. Ему более 70 лет. Он слаб на глаза и на ноги. О нем с большим уважением упоминается в восточной переписке Мишо, но ошибочно назван он там секретарем du prince Ipsilanti (следовательно Александра), а Анфимий, до вступления в монашество, находился при дяде его, который, кажется казнен был в 1807 году. Он сказывал мне, что едва-ли не обратил он Мишо в Православие. На слова Мишо, что папа должен быть непогрешителен потому, что он живое и непрерывное продолжение Апостола Петра. «Пожалуй и так», отвечал ему Анфимий, по и сам Петр подвергался три раза греху: во 1-х, когда он начал *пререцати* Христу и Христос сказал ему: «иди за мною сатано; яко не мыслиши яже суть Божия, но человеческая» (Мате. 16, 22-23). Слова, которые кстати можно применить мирским и честолюбивым притязанием папезства; во 2-х, когда он три раза отрекся от Иисуса, и в 3-х, по несогласиям своим с Апостолом Павлом. По мнению отца Анфимия, слова Иисуса: «блажен еси, Симоне» и пр. (Матф. 16, 17) не могут исключительно относиться к одному Петру, а относятся ко всем Апостолам. Христос спрашивает учеников своих: «вы же кого мя глаголете быти?» Петр отвечает один, но за всех: «ты еси Христос, Сын Бога живаго» (Матф., 16, 15-16), как и теперь, когда в школе учитель задает вопрос ученикам, то один отвечает, а не все отвечают вдруг. Христос не сказал: «ты же,

Симон, за кого меня принимаешь?» а сказал *вы*, обращаясь ко всем ученикам. И ответ должен быть признаваем от всех. Слова: «на сем камени созижду церковь мою» (Матф. 16,18), должны относиться не к лицу Петра, а к вере, которой он с другими Апостолами исповедует, что посланный им есть Христос, Сын Бога живого. Впрочем нельзя не жалеть, что буквально разбирают смысл Евангелия. Тоже делают наши раскольники и заводят уродливые ереси на основании того или другого текста. Если держаться буквального смысла, то Латине правы; по почему папа есть прямой наследник Петра?

11-го Мая. Вчера ездил я в монастырь св. Иоанна в горнем граде Иудове; прекрасный и великолепный монастырь. Стены, с верху до низу, обвешаны малиновым штофом. Должно отдать справедливость, что Латине содержат монастыри и церкви в большой чистоте и отличном порядке. Это *дом Божий* в полном смысле слова. Монахи входят в него тихо и с благоговением и говорят в полголоса; Францискане, которых мне случалось здесь видеть, люди все более или менее образованные, добродушные и приветливые, духом ясные и веселые, – но веселость их не сбивается на пошлость и буфонство, а более служит знамением здоровья и спокойствия души и тела. В монастыре св. Иоанна всего десять монахов, большею частью Испанцев. Настоятель, кажется, патер Викентий – испанец. Нет ему 40 лет, а уже более 20 лет монашествует. Норов жалуется, что ему в монастыре не оказали ни-

какого приветствия; но зачем же он не хотел следовать принятому обычаю и заpastись рекомендательным письмом от Иерусалимского монастыря? На месте рождения Крестителя мраморные барельефы с изображениями из жизни Иоанна, отличной работы. Нельзя без умиления видеть богатства и художественные произведения, расточенные по здешним пустынным храмам, особенно латинским. Тут является не суетность создателей храма и благолепия их, но одна набожность, одно боголюбивое поклонение. Пред кем красуются эти великолепные памятники? Пред дикими Арабами, не постигающими цены являющихся им богатств. Большая часть из посвятивших богатства свои Божьему дому не видали этого дома и не имели суетного наслаждения любоваться делом и приношением рук своих. Пожалуй, реалисты и позитивисты скажут, что можно было на лучшую, более богоугодную цель употребить эти миллионы и миллионы. Но едва ли? Впрочем и при Иисусе были уже позитивисты и экономисты, которые осуждали женщину, которая без пользы истратила на 300 денариев мура и вылила его на главу Спасителя. Но что сказал им Иисус: оставьте ее; что вы ее смущаете? она сделала что могла (то есть *как умела*). «Аминь глаголю вам: идеже аще проповедано будет Евангелие сие во всем мире, речется, и еже сотвори сия, в память ея» (Матф. 26, 13). Эти слова для меня в высшей степени торжественны и умильтельны. Мало, что в Евангелии так проникает душу мою насквозь убеждением в святой истине его, как эти слова, так

сказать вставочные, простые. Скорее ум мой запнется в принятии за истинное событие какогонибудь чуда; но эти слова не могли не быть сказаны, и случай, к которому они применяются, не мог не быть таковым, как он рассказывается. Тут нет притчи, иносказания. Это – истина во всей своей простоте и убедительной прелести.

За селением Иоанна водоем, по преданиям – источник, куда Дева Мария приходила за водою, когда гостила у Елисаветы. Подалее, развалины в горе монастыря, построенного на месте, где жил Захария и жена его Елисавета и где она сказала пришедшей Марии «благословенна Ты в женах» (Лук. 1, 42). Вокруг селения земля хорошо обработана. Хлебные поля и огороды, снабжающие Иерусалим овощами. Деревья, зелень, виноградники. Долина тербнитовых деревьев. По приглашению араба Степана (римско-католического исповедания), заходил к нему в дом пить кофей. Комната довольно большая и опрятная. Две дочери. Женщины носят здесь на голове род кички, составленной из монет, плотно и в несколько слоев связанных вместе; кичка обвешена золотыми монетами, которые падают на лоб. Кичка дочери Степана нанизана 1500 пиастрами. Есть и древние, и вероятно редкие медали. Наш наместник называет Степана восхитителем Русских. Он хочет сказать похитителем, грабителем, потому что Степан занимается отделкою образов, крестов, четок, которые за дорогую цену продает русским поклонникам. На возвратном пути заезжал в греческий монастырь Святого

Креста. Есть место, на котором, по преданию, срублено было дерево, из коего сделан был крест для распятия. По преданиям, крест, на котором распят был Спаситель, состоял из троякого дерева: кипариса, кедра и *певка* (певк – род кедра). Большое дерево *певк* растет пред окнами нашими в саду патриаршем. Потому же преданию, Лот, согрешив с дочерьми, покаялся в том Аврааму, который, взяв три головешки из печи, отдал их ему и сказал: посади их в землю, поливай их каждый день водою Иорданскою, и если они разрастутся, то это будет знамением, что Господь отпустил тебе твой грех. Лот так и сделал: каждый день ходил на Иордан за водою и три разнородные головешки разрослись в одно дерево, которое послужило после для сооружения креста. Мишо говорит, зачем бы ходить было далеко, когда ближе кругом Иерусалима везде росли маслины. Отец Прокопий говорит, что, по преданию, дерево было давно срублено для постройки Соломонова храма и брошено было как неудобное и негодное для дела, а тут вспомнили о нем и пригодилось оно. Монастырь Святого Креста основан Грузинами, росписан довольно безобразно. Пол из мозаики, говорят, обогранный кровию монахов, побитых Турками. У монастыря роща маслин. Вчера нашел я в ней протестантского епископа с семейством. Дорога в горный град, разумеется гористая, как впрочем и везде в здешней стороне. И когда ехавши видишь пред собою путь, загражденный огромными камнями над пропастью, не понимаешь как тут проедешь. Беда, если захочешь

умничать и быть умнее лошади своей. Не правь ею и отдайся ей в управление. Она отыщет лазейку и проберется, вцепляясь в камни как когтями, обходя камни, где не можно перешагнуть их, – заметно, как она на ином месте задумается как бы пройти повернее и решившись, уже идет себе вперед. Как во многоглаголании несть спасения, так и во многовидении. По мне, лучше хорошенько осмотреть замечательнейшие места, сблизиться с ними, привыкнуть к ним, – ибо в привычке есть любовь, – нежели на лету многое осмотреть и ни к чему не иметь времени прилепиться сердцем.

В монастыре Св. Креста только и есть игумен и один монах. Вообще, с монастырями здесь сбывается: много званых, да мало избранных. Много остается пустых мест. В старину было в них тесно от множества иноков и богомольцев. Теперь только во время Пасхи бывает большое стечение народа, да и то вероятно можно считать сотнями, что прежде считалось тысячами. Латинское монашество составлено здесь почти из одних Италиянцев, Испанцев. Французов, кажется, вовсе нет; несколько Немцев. В православном монашестве все почти Греки с примесью нескольких Славян и Русских. В наше время завести бы здесь какую нибудь обширную мануфактуру, она привлекла бы много переселенцев. Но обрабатывание жатвы Господней не возбуждает деятельности века.

Я писал Павлуше с описанием нашей Елеонской прогулки.

12 Мая. Сегодня слушали мы на русском языке обедню

на Голгофе за упокой наших родных и приятелей и панихиду: родителей наших Андрея и Евгении Вяземских, Феодора и Прасковии Гагариных; сестры моей Екатерины Щербатовой и мужа её Алексея; Василия Гагарина; детей наших: Андрея, Дмитрия, Николая, Петра, Прасковии, Надежды и Марии; Николая Карамзина и сына его Николая; Бориса Полуктова, Василия Ладомирского, Феодора Четвертинского, Ивана Маслова, Дениса Давыдова, Николая Кузнецова, Феодора Толстого, Михаила Орлова, Ивана Дмитриева, Юрия Нелединского, Евгения Баратынского, Александра Пушкина, Александра Тургенева, Алексея Михайловича Пушкина, жены его Елены, Василия Львовича Пушкина, Матвея Сопцова, Великого Князя Михаила, Дмитрия Васильевича Дашкова, Феодора Нащокина, Иоанна Недешева – духовного отца жены моей, Петра Нолетики, Александра Муханова, Дидомида Муромцова – нашего управляющего, Александра Тизенгаузена, умершего в Константинополе, Марии Нессельроде, Емилии Пушкиной, Александры Шаховской. Слушая обедню на таком священном месте, все как-то не так молишься как бы молился, будь здесь стройное служение и стройное пение нашей церкви. Внутренняя чувства по-неволе подвластны внешним, по крайней мере в тех из нас грешных, у которых душа не совершенно поборола плоть. Вам недостаточно внутреннее и самобытное достоинство святыни; вам нужно еще видеть ее облеченною в изящность формы. Поразительны слова: «Помяни мя, Господи, во царствии

своем». Слова всегда поразительные простотою своею и прямым обращением к цели каждого христианина, когда внимаешь им близ того самого места, где они были впервые сказаны кающимся разбойником. Хотелось бы удостоиться и услышания ответа: «Днесь со мною будеши в рай». Но и одна молитва эта, пока и безответная, имеет особенную сладость и обдает душу успокоительным ожиданием и надеждою. Меня всегда здесь особенно поражает и символ веры. Эта сокращенная биография Спасителя на месте, ознаменованном великими событиями жизни его, совершенными им для каждого из нас, не на время, как все величайшие события в истории человечества, но на вечность.

Здесь духовенство и вообще все христиане и мирные жители отзываются с большою благодарностью о владычестве в здешнем крае Ибрагима-паши. Он укротил разбойничество Бедуинов, разорил многие их скопища и гнезда, как например Иерихон, избавил монастыри от насильственной подати, собираемой с них Бедуинами, которые до него многочисленными толпами окружали монастыри и угрожали им разорением, пока не приносили им требуемого выкупа. восстановление им тишины и порядка еще сохраняется в здешней стороне, и Турки не успели, своим худым управлением и беспечностью, водворить прежний беспорядок и безначалие; а европейская политика, вооруженною рукою, выгнала Ибрагима из мест, в которых под его сильную рукою отдыхали христиане и наслаждались миром. Нет сомнения, что Иб-

рагим-паша, чтобы угодить европейским державам, еще более обеспечил бы состояние церквей и христиан и особенно Иерусалима. Но христоролюбивое воинство проливало кровь свою, не за право церкви, а за ненарушимость и целостность прав корана, пророка и преемника его. Вот как в нашем веке понимают крестовые походы. Христианские цари радовались и торжествовали, видя, что победа даровала им возможность снова и сильнее прикрепить Гроб Господень к рукам неверных, когда он, казалось, освобождался из них. И никому из царей не пришло ни в голову, ни в сердце воспользоваться этим междоусобием и распадением царства Магомета, чтобы отторгнуть из среды его участок земли, обогренив кровию Спасителя. Подите, постарайтесь завладеть мечетью Эюба или Омара, или только войти в нее, и все население восстанет, чтобы оградить святыню от нечистого прикосновения гяура. Разве христианство слабее магометанства? И отвечать на это нечего; но видно не приспели, не созрели Судьбы Божии, нам нельзя объяснить это равнодушие христианских держав в виду поруганной и плененной святыни. Мишо говорит, что когда во время Египетского похода предлагали Бонапарте посетить Иерусалим, он отвечал, что *Иерусалим не входит в его операционную линию*. Политика доныне тоже самое говорит. Теперь возится и колышется житейская, земная, человеческая дипломатика. Придет время и высшей дипломатике, время дипломатике Промысла Божьего. Это не мистицизм, но простая истина. Нельзя не при-

знать, что в истории человечества есть события, предоставленные произволу человеков, и более или менее зрелые плоды этого произвола, но все малонадежные и недолговечные; а являются изредка другие события, в которых, так сказать, отзывается рука Божия, которые запечатлены прикосновением её и остаются целыми и невредимыми посреди человеческих смут и общих переворотов. Первые события, как дело рук человеческих, после определенного срока жизни, обращаются в прах, в землю, как и сами воспроизводители их. Другие сохраняются мощами и нетленная живородная сила их – побеждает время и смерть. Мир, но слепоте своей, может не признавать их, но избранные, но верующие, но сыны Божии видят на них благодать Господню и поклоняются им в ней и ей в них. Например, возьмите восстановление Греции. Оно плод вспышки воли человеческой – и за то как оно незрело! Все эти потоки крови, великодушно пролитой на почве её, не приготовили благословенной жатвы. Чем все это кончилось? неестественным и уродливым наростом: худо утвержденным престолом, на который европейская политика возвела слабого германского принца, даже и не единоверного с племенами, которые дрались и гибли за святость своего вероисповедания. Что ни говори, а тут заметно отсутствие руки Божией. Все это сшито на живую нитку, а хитон Христа цельный: *свыше исткан весь*.

Иерусалимский греческий патриарх Кирилл теперь в Константинополе, где я его видел. Наместник Мелетий, митро-

полит Петры Аравийской. Обыкновенно называют его здесь *Св. Петр*. Титул *святой* придается здесь всем архиереям. Отец Прокопий из Болгар, бывший управляющий Иерусалимскими имениями в Бессарабии, а теперь здешний церемониймейстер или l'introducteur des pèlerins. Отец Феофан – камараш, то есть род ключаря ризницы и при патриархе. Отец Вениамин, из Херсонской губернии, служит обедню на русском языке в Екатерининском женском монастыре. Отец Иосиф, из Сербов, при Гробе Господнем, также служит на русском языке. Анфимий секретарь патриархии. О нем говорит Мишо и русские путешественники. Ученый Дионисий, Вифлеемский митрополит, из Болгар, говорит по-русски. У него гостил при нас архимандрит Синайский. Иеромонах Аввакум старший в монастыре Св. Илии. Монах Даниил старший в монастыре Св. Креста. Там живет на покое архимандрит Иоиль, ученый. В монастыре Св. Екатерины Серафима, родня Орловой по Ломоносову, Анна Ивановна, из Сербии.

12. Вечер у английского консула Finn, чтобы праздновать день рождения королевы английской. Был же случай в Иерусалиме обвязать шею белым платком, впрочем я надевал уже белый платок в день причащения, прилепить звезду и надеть на руки желтые глянцоватые перчатки. Когда пришел я в девятом часу, консула не было дома. Меня встретила молодая жена, довольно свободно изъясняющаяся по-французски. Консул должен был после обеда отправиться в

монастырь Св. Илии, на вырчку соотечественников, которых Арабы не выпускали и осаждали в монастыре. Несколько Англичан на возвратном пути из Вифлеема остановились у Св. Илии. У одного из них, когда он сходил, или падал с лошади, пистолет нечаянно выстрелил и легко ранил дробинками в ногу молодого Араба. Поднялся шум и гвалт. Настоятель монастыря ввел Англичан в церковь и запер ее, а между тем дал знать о случившемся в Иерусалим. Отправились несколько людей из Патриархии, несколько конных солдат из турецкого гарнизона и консул со своим доктором. Из соседней арабской деревни сбежались и съехались верхом вооруженные, как и всегда, Бедуины. Они, кажется, требовали, чтобы выдали им Англичан. Был даже один выстрел в монастырь и кидали каменья. Наконец Иерусалимская помощь подоспела, пошли переговоры и консула впустили в монастырь, но выпустить уже не хотели. Часов в девять вечера возвратился консул домой и привез с собою в город своих освобожденных Англичан. Он сказывал, что никогда не видал такого остервенения и дикого бешенства. Арабы сняли с себя платье, угрожали, кричали, ревели. На вечере были два Оксфордские Англичанина, обратившиеся в римское исповедание. Один знал Титова в Англии. Хозяйка пела по-английски, то есть на английском языке и английским голосом. Под конец все общество затынуло: God save и мы разошлись по домам. В первый раз увидел я тогда Иерусалимские улицы ночью и при лунном сиянии. Здесь все более или менее

тюремники и ведут тюремную жизнь. Город отпирается при восхождении солнца и запирается при заходе, а здесь оно заходит теперь в 7-м часу. Приятно было бы в месячную ночь пойти в Гефсиманию, взойти на Елеонскую гору; но дело невозможное, или нужно завести целую негоциацию с турецкими начальствами, но и тому примера не было. Храмы также почти всегда заперты. Литургия совершается на Гробе Господнем в полночь, а в других приделах часу в шестом утра. Нашему брату, не привыкшему просыпаться с петухами, это не очень приятно. Идешь в храм и на молитву не в духе, или уже хотелось бы спать, или еще спать бы хотелось. Разумеется, с недремлющею и бдительною верою этого не бывает. Наместник патриарха сказывал мне, что консул в день рождения королевы, когда духовенство пришло к нему с поздравлением, говорил им, что есть известие, что Император Николай отрекся от престола и наследовал ему Константин Николаевич. Любопытно было бы знать, – по своей глупости соврал консул, или по *долгу службы*, то есть по наставлению Пальмерстона мутить умы, а в особенности православные. Я видел консула и накануне и в тот день, и на другой он был у жены моей, но ничего о том не сказывал.

13. Ездил по дороге в Газу на источник Св. Филиппа, где Филипп окрестил внуха царицы эфиопской, *едущего на колеснице*, вероятно в тахтараване; ибо колесам по этой дороге проезда нет, или дороги здешняя очень испортились со времен Апостольских, что впрочем очень сбыточно, потому что

в Турции, где нет теперь проезда, отыскиваются здесь и там остатки каменной мостовой. Здесь вся почва обложена, или огромными камнями и кое-где большими плитами, вросшими в землю, или наброшенными, подвижными камнями, как будто только сейчас взорвало каменные горы и засыпали они обломками своими все лицо земли. Близь источника растет и стареет большое и прекрасное ореховое дерево, и тут отдыхали под тенью его и около меня собрались и уселись Бедуины. Знаешь, что если вздумалось бы одному из них приказать раздеться и выдать им платье и все, что в платье находится, то надобно было бы беспрекословно повиноваться им. Но Бедуины на меня никакого страха не наводят. Разумеется, есть между ними и разбойники, как и не между Бедуинами, но вообще я нахожу в них какое-то добродушие и веселость. К тому же, сигары мои и моя зрительная трубка, которая их очень удивляет, заводят тотчас между нами дружелюбивые сношения. Дам им сигарку выкурить, дам им посмотреть в трубку, и прикладывая руку к сердцу изъявляют они мне свое удовольствие и свою благодарность. При встречах друг с другом, жмут они себе руки по-английски, или теперь вообще по-нашему. По дороге, немного в сторону, заезжали мы к источнику Св. Девы, где, по преданиям, отдыхала она с мужем и младенцем по пути в Египет. Я готов верить всем преданиям и охотно принимаю их, когда они не сливаются с чудесами. Чудесам верю, но только тем, которые прописаны в Евангелии; а *приписным* чудесам не чувствую

в себе ни желания, ни способности верить. Мы видим и из Евангелия, что сам Христос не был расточителем на чудеса. Но дороге к источнику – деревня *Малька* на горе. В долине Арабы сажают розы, которые снабжают розовой водою монастырь Св. Гроба. Если обоняние имеет особенное влияние на память и запахи возбуждают в ней воспоминания, имеющие соответствие с местностями и временем, где и когда навевали напас эти запахи, *грозовая вода* будет отныне живым источником для нас Иерусалимских воспоминаний и поклонений. На Св. Гробе и на Голгофе всегда благоухает розами, и где монахи кроме того вспрыскивают вас розовой водою. Впрочем, вообще на Востоке розовая вода в большом употреблении по церквам. Остановившись в монастыре Св. Креста. По дороге от него в Иерусалим, на-право, вдруг открывается Мертвое море и за ним белеются Аравийские горы, облитые тонким золотым сиянием. Вообще здесь нельзя сказать «голубой воздух», а золотой; особенно пред захождением солнца воздух озлащается. Солнце не садится, как в других местах, в облака багряные и разноцветные: оно на чистом небе потухает; так же и восходит оно. Эта золотистость воздуха вечером, то есть с шестого часа, особенно замечательна в Гигонской долине вблизи Яффских ворот. Маслины темнеют в золотом сиянии воздуха, и долина вообще пересекается длинными тенями и золотыми полосами. Весною эта долина отличается, сказывают, особенною свежестью и зеленью и служит сборным местом гулянья для Иерусалим-

ских жителей. И теперь тут более собирается гуляющих и отдыхающих, и по праздникам Еврейки занимают все ступени крыльца, которое ведет к кофейной, находящейся у Яффских ворот. Когда я в город возвращаюсь по этой дороге, меня приветствует всегда немой радостными телодвижениями и криками – вероятно по чутью, что я был таможенный, потому что и он, кажется, род досмотрщика при учрежденной тут таможенной заставе. У меня есть особенное сочувствие с детьми, юродивыми, малоумными. На пароходе от Константинополя до Бейрута завелась у меня тесная дружба с турчатами и юродивым, что-то похожим на дервиша. Это для меня утешительно как доказательство, что в природе моей сохранилась какая-то первобытная простота, которую не совсем заглушили свет и житейские страсти и увлечения. У источника Богоматери нашли мы Библейскую картину: несколько молодых поселянок в синих своих сарафанах мыли белье свое. Может быть и Пресвятая Дева тоже мыла тут белье свое и пеленки Божественного Младенца.

Нельзя сказать, чтобы почва окрестностей Иерусалимских, при всей угрюмости и дикости своей, была бесплодна. Она дает же разнородный хлеб, овощи, артишоки, помидоры, маслину, абрикосовые деревья, смоковницу, гранаты, ореховые деревья и пр. Нужно только более обработки. Самая каменная настилка почвы придает ей свежесть и сырость, которые заменяют ей дожди, которых летом здесь не бывает.

14. Ныне полученное известие из Яффы, что английский пароход прибудет туда 8-го будущего месяца н. с., обдало меня унынием. Срок приближающейся разлуки моей с Иерусалимом начинает давить меня. Я теперь только что *вхожу* в Иерусалим, вхожу в прелесть его, начинаю с ним свыкаться. Здесь нужно было бы непременно прожить год, чтобы ознакомиться с Св. Местами. И почему бы не прожить? Стоило бы только решиться отложить житейские попечения, житейские требования. Впрочем не имею никакого расположения к монашеской жизни. Напротив, здешняя греческая монашеская жизнь кажется мне несносною и вовсе ничего не говорит душе. В чувстве моем привлечения к Иерусалиму религиозность, или по крайней мере практическая набожность, не имеет или очень мало имеет назидательной и содействующей силы.

Лет двадцать тому и более состояние церквей было здесь таково, что в Армянском монастыре отвалилось несколько камней, а может быть еще и Турки с умыслом их отвалили. По маловажности, Армяне, без предварительного турецкого разрешения, вставили опять эти три или четыре камня и после многих прений должны были взнести турецкому начальству 500,000 пиастров за то, что осмелились без позволения *перестроит храм*. Теперь этой насильственной и разбойнической администрации уже нет.

В римском монастыре есть типография, у Армян и у Евреев также. Нет только греческой. Греки более всех отуре-

чилились.

Гробницы Царей, или *Судей*, или Бог весть кого. У Шатобриана они хорошо и верно описаны. Вообще путевые записки его и до-ныне, духовными лицами и мирскими, признаются едва-ли не лучшим руководителем в Иерусалиме. И тут Француз, как после я, часто выглядывает у него из-под плаща паломника, но себяобожание, ужь не самолюбие, и самохвальство, здесь умереннее, нежели в последовавших произведениях.

16. Писал Павлуше чрез Титова с письмом к Кобеко, а в нем письма к Тютчевой и в Валуеву. Жена писала леди Кanning. Все отдано митрополиту. Вчера ходил по городу, в дом Пилата. Вид на Омарову мечеть. Дом Симона фарисея. Проверить с Евангелием. Кажется ошибочно признается за дом Симона и Шатобрианом также. Ездил на источник Силоамский и запасся водою. В отдалении, огромные камни на горах представляются глазам безобразными зданиями. Селения представляются грудями камней. Люди, как дикие звери, гнездятся на них и под ними. И в самом Иерусалиме, глядя на дома, не понимаешь, где тут жилые покои. Почти вовсе нет окон на улицу. Двери с улицы узкия и низкие.

Среда 17. Как не далась мне Иоаннова пустыня, в которую собирался я вчера, так не дались сегодня и Соломоновы пруды. Вся эта поездка зачата была не в добрый час и под худыми приметами. И встал вчера в пять часов утра, что для меня есть уже худая примета и не добрый час, – а в шесть

рассердился и прогнал от себя лошадей и нанимавших их, потому что казалось мне, что с меня лишняя деньги требовали. Наконец дело кое-как уладилось и в четверть по полудни отправились мы в Вифлеем. Дорога к нему, судя по здешнему краю, очень хороша. Поднявшись из Гигонской долины, выезжаешь на ровную дорогу, по которой можно бы ехать и в коляске. На правой руке развалины монастыря Св. Модеста. По обеим сторонам дороги обработанные поля и зеленеют нивы. Дикая близ-Иерусалимская природа здесь смягчается. Одна эта окрестность могла служить сценою для пастушеской библейской поэмы Русь. Проехав монастырь Св. Илии, спускаешься с горы по крутизне извивающейся дороги. Тут поля, долины и возвышения обсажены маслинами. В Вифлеемской долине, облегающей город, можно сказать, что зеленеет даже роща маслин. Во всех других местах они растут довольно одиноко – и на Элеонской горе можно счесть их, так их не много. они тут редеют как клочки волос на лысой голове старца. Мы ужинали за смиренною трапезою митрополита Дионисия; но при всей смиренности своей, истребили несколько Вифлеемских голубей, отличающихся особенным вкусом, а жарят их – это замечание для Вьельгорского – без масла на вертеле, что придает им, но словам митрополита, или, лучше сказать, что не лишает их собственной сочности и самородного вкуса. Чтобы дополнить мое гастрономическое сведение, скажу, что у митрополита повар – старая Вифлеемская баба; а была ли она всегда стара, о том знает

Бог. Здесь вообще в греческих монастырях встречаешь женщин, правда пожилых. Охотно верю, что они тут не для греха, а для прислуги – обмыть, обшить, сострипать. Встреча этих женщин близь архиерейских келлий, сказывают, очень смущала Войцеховича. Вообще, большой строгости здесь не видать. Монахи, не в постные дни, едят мясо и пьют вино. С террасы монастыря любовался я звездным небом и Вифлеемскою луною. Сегодня в пять часов утра слушали мы трехязычную литургию – по-арабски, гречески и по-русски. На ектении поминали нас и наших живых и усопших. Вчера вечером ходил я в пещеру, где, по преданиям, скрывалась Богоматерь с Младенцем до бегства в Египет. Она принадлежит Латинам. Я тут застал монаха и несколько арабских детей, которые пели акаеист Богородице. Умилительно слышать эти христианские песни, молитвенно возносимые поселянами на тех самых местах, где так смиренно и также в тишине и сельской простоте, невидимо от мира, возникало христианство. Утром ездил я на место, явления ангелов пастухам. Тут некогда была церковь, построенная Еленою. Теперь осталась одна подземная церковь православная. Арабский священник прочел мне в ней главу Евангелия. После заезжал я к нему в дом. Часу в третьем по полудни отправились мы на Соломоновы пруды. Тут начались беды наши. Тахтиреван ударился об стену, а жена головою об тахтиреван. Верблюды заграждали нам дорогу. Абдула бросился разгонять их, и один верблюд попал в яму, или в пещеру, так

что все туловище его лежало под камнем и только задняя нога оставались на поверхности земли. Далее, отец Прокопий упал с лошадыю, а еще по далее, упала с лошади Фанни и ужасно стонала и кричала, жалуясь, что переломила или вывихнула себе руку. Мы не знали что делать. Долго провозились с нею и наконец решились возвратиться ближайшею дорогою в монастырь Св. Илии в Иерусалим. Между тем лошадь Фанни убежала. Семидесятилетний митрополит, который провожал нас, поскакал ловить ее на лихом своем арабском жеребце. Он из Болгар, и видна в нем славянская отвага и славянская мягкосердечность, хотя, сказывают, он очень вспыльчив, что также есть славянское свойство. В монастыре Св. Илии благословил он меня весьма старинным образом Петра и Павла. Наконец тут расставшись с добрым старцем, ибо тут оканчивается его митрополия, возвратились мы в 7-м часу вечера в Иерусалим. Латинский монах врач, уверял нас, что, по счастью, рука Фанни и не переломлена, и не вывихнута. Приставили ей 70 пиявок. При возвращении нашем в Иерусалим стены его, под Гигонскою долиною, чудно озлащались сиянием заходящего солнца. Нигде и никогда я не видал такого золотого освещения. С дороги видны были, на отдаленном небосклоне, Аравийские горы, которые, подобно свинцовым облакам, белели и синели сливаясь с небесами. Гробница Рахили; я объехал кругом, но не входил в нее, потому что она была заперта и никого при ней не было. Но, сказывают, что и смотреть нечего.

Четверг, 18 Мая. Слушали в 9 часов утра русскую обедню в монастыре Св. Екатерины. Все что-то не так молишься как бы хотелось. В Казанском соборе лучше и теплее молилось. Неужели и на молитву действует привычка? Или мои молитвы слишком маломощны для святости здешних мест. Начали говеть. Вообще народ имеет здесь гордую и стройную осанку, а в женщинах есть и что-то ловкое. В Вифлееме черты женских лиц правильны и благородны. В женской походке есть особенная твердость и легкость. С мехами на голове или ношею легко и скоро всходят они на крутые горы, картинно и живописно. На всех синяя верхняя одежда, род русской *поневы*, а иногда еще покрываются они красным шерстяным плащом; серебряные ожерелья из монет на лбу, на шее и на руках. Голова обыкновенно повязана белым платком, также довольно сходно с головною повязкою наших баб. На верху головы, подушечка для ношения мехов с водою, корзина etc. Цена пиваков здесь пиастр за штуку. Есть здесь английское училище миссионерское, преимущественно для обращенных детей еврейских. Содержится чисто. Есть книги, географические карты по стенам. Есть и греческие училища для арабских православных детей. Не отличаются чистотою. Но все-таки благо и добро. Есть и английская больница также для Евреев. Греки и Латины вообще жалуются на протестантскую пропаганду. Да что же делать, когда она богата и деятельна. Кормит, учит, лечит, колонизирует, дает работу – и к тому же, вероятно, не взыскательна и не отя-

готительна в обязанностях, которые возлагает на обращающихся. Одно тягостное место для посещающих Иерусалим есть расстояние 7 или 9 часовое от Рамлэ до Св. Града. Да и то легко сделать бы удобным, если монастырям, латинскому и греческому, выстроить на дороге два постоянных двора для отдыха или ночлега, если кому захочется провести ночь. Не желаю, чтобы устроена была тут железная дорога и можно было прокатиться в Иерусалим легко и свободно, как в Павловский воксал; но все не худо облегчить труд человеческой немощи; а то въезжая в Иерусалим, судя по крайней мере по себе, чувствуешь одну усталость после трудной дороги. Не каждому дана сила и духовная бодрость Годфрида, который после трудного похода, еще труднейшего боя и приступа, по взятии города, тотчас бросился поклониться Гробу Господню.

Пятница, 19 Мая. Сегодня в полночь пошли мы слушать литургию на Гробе Господнем, но обедня началась только в 3-м часу. Во всех концах храма раздавались молитвенные голоса на армянском, греческом и латинском языках. Это смешение песней и языков, сливающихся в одно чувство и в одно поклонение единому общему Отцу и Богу, трогательно в отвлеченном значении своем, но на деле оно несколько неприятно, тем более, что пение вообще нестройно. На большом выносе поминали нас и наших живых и усопших. Во время чтения часов монахи поминают про себя по книгам имена записанных поклонников. Вчера всходил я на арку –

на крестном пути, откуда, по преданию, показывали Иисуса народу: *Се человек!* Теперь там молельня дервишей. Вышел я в Сионские ворота, сошел в Гефсиманскую долину, возвратился в город чрез Гефсиманские ворота. Остановился у Овчей купели.

Большой недостаток в Иерусалиме, в окрестностях его и вообще на Востоке – есть отсутствие лугов. Нет зеленой, шелковой муравы, на которой в северных краях так отраднo отдыхают глаза и тело. Здесь ток садов обложен каменной плитою, а за городом деревья и цветы растут на песчаном и каменистом кряже. Все это придает природе вид искусственный, рукодельный. А между тем, что есть из растительности пышно и богато: цветы благоухают необыкновенным ароматом, лимонные ветви клонятся к земле под обилием и тяжестию плодов.

Когда приближаешься уже к концу земного своего поприща и имеешь в виду неминуемое путешествие в страну отцев, всякое путешествие, если предпринимаешь его не с какою нибудь специальною целию, в пользу науки, есть одно удовлетворение суетной прихоти, бесплодного любопытства. Одно только путешествие в Святые Места может служить исключением из этого правила. Иерусалим – как-бы станция на пути к великому ночлегу. Это приготовительный обряд к торжественному переселению. Тут запасаясь, не пустыми сведениями, которые ни на что не пригодятся нам за гробом, по укрепляешь, растворяешь душу напутственными впечат-

лениями и чувствами, которые могут, если Бог благословит, пригодиться и там, и во всяком случае несколько очистить нас здесь.

В молодости моей, когда я был независимее и свободнее, путешествие как-то не входило в число моих преднамерений и ожиданий. Я слишком беспечно был поглощаем суетами настоящего и окружающего меня. Скорбь вызвала меня на большую дорогу и с той поры смерть запечатлела каждое мое путешествие. В первый раз собрался я за границу по предложению Карамзина ехать с ним, но кончина его (1826 г.) развеяла это предположение до приведения его в действие. После – болезнь Пашеньки (1835 г.) заставила нас ехать за границу. её смерть положила черную печать свою на это первое путешествие. Второе путешествие мое окончательно ознаменовалось смертью Наденьки (1840 г.). Смерть Машеньки (1849 г.) была точкою исхода моего третьего путешествия. Таким образом, четыре могилы служат памятником первых несбывшихся сборов и трех совершившихся путешествий моих. Не взмой меня волна несчастья, я вероятно никогда не тронулся бы с места. Вероятно путешествия мои, всегда отмеченные смертью, кончатся путешествием к Святому Гробу, который примиряет со всеми другими гробами. Так быть и следовало².

² *Примечание автора.* Но увы! По грехам моим не так сбылось. Опять пустился я в смертный, или по крайней мере, болезненный путь, и ныне страждущее лицо – я. Чем путь этот кончится? Я не имею никакой надежды на выздоровление, по крайней мере духовное, а без него телесное только продолжение казни. Бедная

Суббота, 20 Мая. Сегодня, в шестом часу утра, слушали литургию на Голгофе и причащались святых таинств. Служил греческий архиепископ Неапольский (т. е. Наплюзский, Сихемский). После была большая панихида, на коей поминали и наших. По окончании панихиды, мы пошли к Святому Гробу, где отец Вениамин отслужил на русском языке молебствие за здравие П. А. Кологривова.

Вчера, 19-го, ходил я по городу и за городом с братом жены епископа. Видели мы, как у наружной стены ограды храма Соломона Евреи и Еврейки многие приложив голову к стене – молились по книгам, стенали и плакали (женщины). Они собираются тут каждую пятницу и платят что-то за это турецкому начальству. В Иерусалиме от семи до восьми тысяч Евреев мужеского и женского пола. Протестантская миссия обратила из них, с 1840 года, в христианство человек сто. Здесь особенно Латины уверяют, что эти обращения делаются, или покупаются за деньги, выдаваемые миссиею; но протестанты не сознаются в том и говорят, что только в редких случаях даются пособия тем из них, которые сами не могут зарабатывать себе пропитание. В городе сохранилось несколько арабских фонтанов, красиво отделанных резьбою на камне. Воды в них уже нет. Эта любовь и поклонение воде восточных жителей очень замечательны. В других землях колодези устраиваются только с тем, чтобы не быть без воды; а о украшениях их не помышляют, за исключением боль-

ших городов, и то для украшения городов, а не в честь самой воды. Здесь видно, что чествуют самую воду – этот Божий дар, благодатный особенно в земле, нуждающейся в реках, где дожди редки и солнечный зной высушает воду. Словно думают они, что вода, из благодарности за красиво и богато устроенное ей помещение, лучше сохранится и не откажет в пособии заботящимся о ней. Здешние водопроводы в земле, где наука и труд в совершенном небрежении и забвении, свидетельствуют об особенном вникании к удовлетворению необходимой потребности. В Белграде, близ Константинополя, водопроводы и водохранилища были везде замечательны. Из Соломоновых прудов проведена вода в Иерусалим, и под Омаровой мечетью, сказывают, есть обширное водохранилище. На дворе судейского дома *кади* есть также бассейн с Соломоновскою водою. Все сокровища Соломона погибли, а с ними и все богатства и почти все памятники древнего, и несколько раз из развалин возникавшего, Иерусалима; но вода Соломона утоляет еще жажду позднейших потомков его. Когда иссякший Кедров зимою наливается водою, Арабы из города и со всех сторон бегут к нему и просиживают часы на берегах его в тихом и радостном созерцании. Из стены, окружающей Омарову мечеть, высовывается колонна, лежащая поперек против Элеонской горы. По мусульманским преданиям, в день Страшного суда, на ней будет сидеть Магомет и судить живых и мертвых поклонников своих, а на Элеонской горе будет Иисус совершать суд над

христианами. Англиканское кладбище за каменной оградой лежит на покате Сионской горы к Гигонской долине. Доселе на нем еще мало гробниц, а место обширное, и между ними из белого мрамора гробница, привезенная из Европы, поставленная над прахом молодого английского лорда, кажется Роберта Нетсона, который за несколько лет, посетивши Иерусалим, занемог в нем и умер. Тут погребен и первый епископ Иерусалимский Александр, о котором было так много шума в тогдашних газетах. На месте, где он лежит, навалены пока одни камни, а гробницы еще нет. По мнению моего спутника, упоминаемый в Евангелии Гефсиманский сад не мог быть тут, где его ныне показывают. Настоящее место слишком близко к городу, слишком было в виду у жителей городских; а сад или место, куда *удинялся* Христос для молитвы, должно было быть и местом *удиненным*; а потому скорее должно искать его на-лево, в углублении, на покате Элеонской горы. Может быть и так; но как в том удостовериться, – и много ли будет пользы, если и была бы возможность удостовериться. Кому недостаточно одного Евангелия, тому немного будет душевной прибыли, если и могли бы в точности определены быть местности, в нем упомянутые. Понимаю, что можно спорить о вопросах, коих разрешение таится во мраке грядущего: ибо этот мрак прояснится и если не спорящие, то по крайней мере потомки их, воздадут хвалу проницательности догадок прозревшего истину. Но спорить о тайнах, коих разрешение давным давно

погребено в беспробудной ночи прошедшего и в горах развалин и праха давно отжившего, – есть дело совершенно суетное и бесплодное. Догадка, как она ни будь правдоподобна, все останется догадкою, а не претворится в убеждение без знамения свидетельства очевидного, которое пресекает все недоумения при свете непреложной истины. Пока Турки не позволяют делать подземных изысканий и разрывать землю, ничего положительного и даже приблизительного о древнем Иерусалиме знать невозможно, – или пока не изгонят Турков из здешних мест. Но и тогда нужно ли будет, *благоразумно ли* будет, *богоугодно ли* будет *допытываться* человеческой, вещественной истины, осязательной достоверности там, где, может статься, все должно быть неприкосновенно облечено святынею таинства. Не искушайте Господа вашего. Со страхом и верою приступите, а не с орудиями сомнения и любопытства. Кто верует во второе пришествие и в жизнь будущего века, потерпи: он все тогда узнает. В небесном Иерусалиме раскроется нам подробная картина земного. Пока можем довольствоваться для земного и духовного странствования нашего указаниями – пожалуй, для человеческого любопытства и неполными – Евангелия, не подвергая его ученой критике, как мы то делаем с Илиадою.

Обещал отцу Иосифу Петрову, иеромонаху в Иерусалиме (из Сербов), прислать из России церковные книги и *церковный круг*.

Прискорбно видеть в Иерусалиме, как христианские церк-

ви – Греческая, Латинская и Армянская – особенно озабочены препятствовать друг другу возобновить разваливающуюся крышу храма Гроба Господня; а соединенными силами возобновить ее не хотят, особенно Греки, признающие за собою исключительно на это право и не желающие допускать других участвовать в этой перестройке. Как ожидать устройства единства германского в многодержавном сейме германских племен, когда здесь, на святом месте, три церкви единого Бога мнутятся и раздираются междуусобными проискарами и личными страстями, и то не в деле внутреннего убеждения и верования, в которое, по человеческой немощи и слепоте, страсть может еще проникнуть, а просто в деле совершенно вещественном, где вся речь идет о том, что дать ли куполу провалиться или нет. По неволе опять Турки должны будут вмешаться в это дело и сильною владычною рукою, – сильная владычная рука турецкая в христианском вопросе! какая безобразная смесь слов и понятий, – примирить друг против друга враждующих христиан. По словам наместника, кажется, здесь французский консул нарочно ездил во Францию, чтобы склонить правительство деятельно вмешаться в этот спор и требовать от турецкого правительства не дозволять Грекам, без участия Латин, возобновлять купол.

20-го. Вечерня в патриаршеской церкви на кануне праздника св. Елены и Константина. Вечером был у епископа. рассказывал про свое житье в Абиссинии, где, между прочим, должен был ходить на босу ногу, потому что не мог привык-

нуть носить сандалий, а башмаков и сапогов не было. Много говорил о нравах и обычаях обезьян, которыми Абиссиния изобилует. Однажды он с женою путешествовал в сообществе с стадом обезьян, около двух сот, которые двое суток следовали за ним, останавливались с ним на привалах и ночлегах. Вообще, в них большой дух порядка и предосторожности; когда они переселяются с места на место, то жен и детей ставят в середину, а самцы образуют аван и арьергард, а по несколько идут по бокам. У иных самцов по две самки; в известный час сходятся они на известное место – приготовят детям чтонибудь есть и оставляют, а сами отправляются по сторонам; обезьяны-двуженцы одну из них ударят по спине, и та идет с самцом рядом, а другая следует подалее, и когда те остановятся, она в некотором расстоянии сидит в грусти; тут обыкновенно подходит, но не близко, а в почтительном расстоянии, самец, не имеющий жены и разными выражениями и телодвижениями заводятся между ними *отношения*; между тем, ревнивый муж, хотя и в объятиях другой жены, догадывается, что с оставленною женою может делаться чтонибудь нехорошее, бросается и, видя, что перед нею сидит вздыхатель – начинает бить кокетку. Иногда видел он, как обезьяна принесет с поля зерна и раздает их лиенам; когда одной достанется менее, она долго подачу свою перебирает лапами, подходит к другой, и когда удостоверится, что она перед другою обижена, кидает все с досадою в мужа. Тогда муж отбирает, что каждой дал, и делает новый и более ров-

ный раздел. они довольно целомудренны и таят любовь свою в тени кустов.

21 Мая. Обедня в патриаршеской церкви. Палатки разбиты по террасам. Бедным раздают хлеб и вино. Ездил на Соломоновы пруды. Очень замечательные остатки древности. Начинают засыпаться землею; вероятно легко было бы их привести в исправное и первобытное положение. Заезжал в греческий монастырь великомученика Георгия. Тут есть чудотворный образ, исцеляющий сумасшедших. К нему имеют большое доверие Православные и Турки. Питали перед образом молитву за П. А. Кологривова и Батюшкова. Взял для каждого из них по свече³. Показывали мне доску с алтаря, на несколько кусков разбившуюся, когда священник нечаянно пролил на нее евхаристию и самый священник вскоре после того умер. На обратном пути заезжал в Вифлеем; нашел доброго Дионисия, служившего вечерню в кругу своих вифлеемитов. У нас многие сельские священники имеют паству гораздо более многочисленную и богатую, чем этот митрополит. Отправился я из города в час по полудни и возвратился в 7.

В монастыре св. Екатерины, вдова Анна Иванова Эрцегова, из Сербии; муж её (Дмитрий Георгиевич) служил при сербском депутате в Константинополе – оказывал услуги русским и русскому войску. Она уже подавала, года за два,

³ *Примечание автора.* Не предвидел я тогда и моей настоящей болезни, и о себе помолился бы я и взял свечу третью. Париж 21 Декабря 1851 года.

прошение Титову об оказании ей пособия, и им определена в Екатерининский монастырь. Дали письмо к нему.

22 Мая, Понедельник. Выходил пешком на Элеонскую гору; обошел ее кругом по вершине, карабкаясь по камням. Место, где полагают, что совершилось Вознесение, не высшее, но это ничего не значит. Нет причины заключать, что Спаситель вознесся с высшей точки горы. С противоположной стороны города открывается прекрасный, то есть обширный, вид на Аравийские горы и на Мертвое море. Смотришь, смотришь на голубую поверхность его, все ждешь: не промелькнет ли на ней рыбацья лодка, не забелеет ли парус, но все безжизненно и пустынно. Видны также зеленеющие берега Иордана, но реки не видать. Аравийские горы были словно подернуты сизым паром – в них есть что-то фарфоровое. Говорят, они являются иногда во всех радужных цветах, даже и в зеленом. Я этого не видал. На Элеонской горе араб предлагал мне купить живую большую змею, которую он держал в руках, крепко схватив ее за горло. Я не мог добиться толку: ядовитая ли, то есть смертельно ли ядовитая она, или нет, но понял только, что многие Турки и Арабы могут безвредно обходиться с змеями и исцелять раны, которые они наносят. Всего видел я одну или две змеи; но смотря по местности, их должно быть довольно много. Впрочем, жители отдыхают и спят в поле с верблюдами и другим скотом своим, и нельзя сказать, чтобы боялись они змей. Слышал я и о ящерицах и хамелеонах, но с худыми глазами мо-

ими не видал их и ничего не могу сказать о них. Пения птиц я не слышал, а одно их щебетанье. Говорят, что в кустах, осеняющих Иордан, водятся соловьи; но меня, по крайней мере, пением своим они не приветствовали. За то наслушался я ослов и верблюдов и необычайно звонкого квакания лягушек у источника св. Елисея. Сюда-же идет молебный вой с высот минаретов, который, впрочем, имеет свою унылую торжественность. Христианского колокольного звона здесь нет. Даже в храмах бьют в доску, чтобы сзывать к службе.

23. Вторник. Сегодня во 2-м часу по полуночи слушали мы литургию на Гробе Господнем. Служил по-русски отец Вениамин. Последняя наша Иерусалимская обедня. Поминали наших усопших и живых. После на Голгофе совершали панихиду за упокой Машеньки и других усопших детей наших и сродников. У камня, отвалившегося от Гроба при Воскресении Спасителя, просишь и молишь, чтобы отвалился и от души подавляющий и заграждающий ее камень и озарилась бы она, согрелась, упокоилась и проникнулась верою, любовью к Богу и теплотою молитвы. Но к прискорбию, не слышать из души отрадной вести: «с мертвыми что ищете?» Нет, душа все тяготеет, обвитая смертным сном. «Господи! даждь мне слезы, и память смертную и умиление». Эта молитва Иоанна Златоуста. Стало быть умиление и слезы души не так легко доступны и не так легко обратить их в привычное состояние души. Те, которые хотят основать достоверность Евангелия, между прочим, и на видимых, веществен-

ных остатках приевангельской эпохи и призывают камни в свидетельство непреложности событий, забывают слова Спасителя, сохранившиеся не в человеческих преданиях, а в самом Евангелии, что в Иерусалиме «не имать остати камень на камени, иже не разорится» (Матф., 24, 2). Свидетельство Христа поважнее и торжественнее камней.

Только несколько часов остается еще до отъезда нашего из Иерусалима. Можно без умиления и особенного волнения въехать в Иерусалим, но нельзя без тоски, без святой и глубокой скорби проститься с ним, вероятно навсегда. Тут чувствуешь, что покидаешь место, не похожее на другие места, по покидаешь Святой Град, что святой подвиг совершен и что уже заплескала и зашумела волна, которая тебя унесет и бросит в пучину житейских забот и искушений и во все мелочи и дразги, составляющие мирскую жизнь; мне же всегда грустно покинуть место, где я без беды провел некоторое время. К грусти присоединяется и досада, что я не хорошо умел воспользоваться протекшим временем, что растратил по пустому много часов, что не извлек всего, что мог извлечь. И в пребывании моем здесь погибло много дней; а здесь каждый час должен быть дорог и запечатлен в памяти ума, чувства и души.

Прислать Иерусалимскому епископу французский перевод Стурдзы проповедей Филарета и Иннокентия. Книгу Стурдзы о должностях священнического сана отдал отцу Вениамину в монастырь св. Феодора в Иерусалиме.

Наместник Святого Петра т. е. митрополит Петры Аравийской, благословил нас крестом с частицею от животворящего древа креста. Он снял его с шеи⁴. Дал еще кусок обгорелый от дверей храма, сгоревших в 1808 году.

Отец Вениамин отслужил нам напутственное молебствие на Гробе Господнем. Прощался я с Иерусалимом: ездил верхом, выехал в Яффские ворота, спустился в Гигонскую долину, заходил в Гефсиманскую пещеру, где Гроб Божией Матери. Мимо Дамасских ворот, возвратился чрез Яффские. Нервы мои были расстроены от разного тормашения, дорожных сборов, и потому не простился с Иерусалимом в том ясном и спокойном духе, с каким надлежало бы. Но прекрасное захождение Иудейского солнца, которое озлащало горы, умирило мои чувства и наполнило душу мою умилением. Сумрак долин и освещение гор и городских стен, вот последнее отразившееся во мне впечатление. Завтра в 5-м часу утра думаем выехать из Иерусалима.

* * *

24 Мая 1850 г. Середа. Думали выехать в 5-м часу, а выехали в 7. С дорожными сборами и с отъездами бывает тоже, что с обедами бедного Михаила Орлова, на которые жа-

⁴ *Примечание автора.* И я грешный и окаянный поту его на шее; но благодать его не действует на мое заглохшее и окаменелое сердце. Господи! Умилосердись над нами! Просвети, согрей мою душу! Париж. Декабрь 1851 г.

луясь, бедный Евдоким Давыдов – оком ни вспомнишь, все покойники – говорил, что Орлов обедает в четыре часа в шестом. На последнем пригорке, с которого виден Иерусалим, слез я с лошади и поклонился с молитвою в землю, прощаясь с Иерусалимом, как с родною могилою. И подлинно, Иерусалим могила, ожидающая воскресения и, как воскресение Лазарево, совершится оно еще на земле. Как поживешь во Святом Граде, проникнешься убеждением, что судьбы его не исполнились. Тишина в нем царствующая, не тишина смерти, а торжественная тишина ожидания. Мы ехали очень хорошо и даже трудный переход чрез горы показался мне гораздо легче, нежели в первый раз. Возвратный путь, как уже знакомый, всегда менее тягостен, да и тут более спускаешься, чем поднимаешься. Я в этот раз успел даже разглядеть зелень деревьев, растущих по бокам гор, и нашел, что край вовсе не так дик и безжизнен, как показался он мне в первый раз. К тому же, по всем разездам и прогулкам заиерусалимским так привыкнешь к непрерывным восхождениям и нисхождениям по крутизнам скал, мимо пропастей и над пропастями, что вовсе забудешь, что есть на свете лощины и прямые и плоские дороги. Подъезжая к знаменитому селению Абугош, нашли мы около дороги под деревьями все женское население, которое кружилось в хороводе и пело, или выло. Наш Абдула кое-как истолковал мне, что они совершают род тризны, или поминок по *большом человеке, который умер*. Должно быть родственник, кажется, дядя знаменито-

го разбойника – владельца Абугош, который ныне где-то содержится в тюрьме. Я хотел полюбопытствовать и подъехал поближе, чтобы рассмотреть обряд этих женщин; но Абдула умолял меня не останавливаться и скорее проехать мимо. В самом деле, тут же выбежал араб и начал кричать на меня и, видя, что слова его не очень действуют на меня, поднял камень и грозился бросить его мне в голову. На такое убедительное приглашение был один благоразумной ответ – поворотить лошадь на дорогу и ехать далее. Так я и сделал. Но один из провожатых наших, грек православный, отстал от нас и даже подошел к хороводу. Тут сбежалось несколько Арабов, повалили его на землю, и начали колотить кулаками и камнями. Побиение камнями совершилось здесь в числе живых преданий – я предлагал нашему конвою ехать на выручку его, но они, зная обычаи края, заметили мне, что нас всего человек пять, и что если вмешаемся в это дело, то все население, т. е. человек 500, сбежится и нападет на нас. И на это убеждение должно было согласиться отложить рыцарские чувства в сторону. Вскоре битый грек догнал нас как встрепанный, и данные ему мною 20 пиастров совершенно залечили его побои. В Рамлю приехали мы часу в 4-м по полудни и ночевали в греческом монастыре, где комары, мошки и разные насекомые оставили на телах наших более следов, нежели камни на теле нашего грека. Рамля с окружающею ее растительностью очень живописна. Здесь должна быть сцена поэмы Федора Глинки. Саронские равнины про-

славлены в Священном Писании. В Рамле греческая церковь во имя св. Георгия. Тут показывают обломок колонны, о которой монах рассказал нам следующее: когда строили церковь, отправили судно в какой-то приморский город, чтобы привезти из него четыре колонны для поддержания свода. Когда нагружали эти колонны, какая-то женщина пришла просить судохозяина взять в жертву от неё пятую колонну, для украшения храма. Хозяин отказал ей в просьбе, говоря, что места нет для пятой колонны и на судне и в самой церкви, где нужно только четыре. Огорченная отказом женщина плакала, возвратилась домой и легла спать. Во сне видит она человека, который спрашивает ее о причине её скорби – она объясняет. Он утешает ее и говорит ей: где хочешь ты, чтобы эта колонна в церкви стояла. Она отвечает: на право от дверей. Нашини все это на колонне и все будет сделано по твоему желанию. Она во сне исполнила приказание незнакомого видения. При выгрузке судна нашлась на берегу неизвестно кем и как доставленная туда колонна и поставлена во храме согласно желанию женщины. Ныне она на лево от входных дверей. Но эти двери новые, а старые, по какой-то причине, заделаны во время похода Бонапарта в Египет. В Рамле также подземное водохранилище; приписывают и его Елене, но, по справедливому замечанию Шатобриана, почти все здания носят имя её, хотя, судя по летам её, едвали могла бы она успеть до кончины своей соорудить столько зданий и оставить по себе столько памятников. Тут же довольно хо-

рошо сохранившаяся башня церкви Сорока Мучеников.

Ехав в Яффу заезжал я в сторону, в Лидду, где видел прекрасные остатки церкви также во имя св. Георгия. В этих развалинах совершает иногда литургию греческое духовенство. Это уважение к святыне, даже разоренной рукою времени и людей, имеет что-то трогательное.

В Яффу прибыли мы в Четверг, 25 числа, к трем часам по полудни. На другой день английский пароход, который ожидали только дня через два, рано утром стоял уже на рейде. Я окрестил у консула Марабутти и доброго хозяина нашего новорожденную дочь его Марию. Около пяти часов по полудни (Пятница) сели мы в большую арабскую лодку и поплыли к пароходу, который стоял довольно далеко от берега, вытаскивая, но напрасно, купеческое судно, весною разбившееся. Дул сильный ветер, и порядочно, или слишком беспорядочно нас покачало. Наконец кое-как добрались мы до парохода. К ночи ветер утих. Я всю ночь пролежал и частью проспал на палубе. Ночь была теплая, и я не чувствовал никакой сырости. К сожалению, я просмотрел или проспал гору Кармилъ. Утром были мы близ Сидона и часу в 12-м утра пристали к Бейруту.

Бейрут. 2 Июня. По приезде сюда узнали мы, что нам доведется здесь прожить 18 дней в ожидании австрийского парохода. Слишком много для Бейрута, не смотря на то, что нам очень покойно и хорошо в прекрасном доме Базили, что вид из окон на синее море, на горы Ливанские, на зеленые

сады, облегающие город, чудно прелестен. Я хотел воспользоваться этим временем, чтобы съездить в Дамаск, но Базили отсоветывал, страдая жарам. Между тем больших жаров еще нет, и я очень удобно мог бы съездить. Досадно. Положение Бейрута чрезвычайно живописно. Ничего лучше в создании мира не придумано, как это слияние синевы моря с зеленью древесною. Прогулка по Рас-Бейруту – набережная по мысу вдоль моря. *Рас* по-арабски значит *голова* и *мыс*... За полчаса от города роща *De Pins*. Прорезывающие ее аллеи навели на душу мою грустное воспоминание о Лесной даче. Потом спустились мы к реке, ныне маловодной, но зимою заливающей большое пространство. Ныне на ложе реки вместо воды растут во множестве кусты розового лавра. Кое-где густая зелень деревьев на берегу. Редко встречаешь на Востоке картины подобной сельской красоты и свежести. Для меня это лучшие картины. Любителям грандиозного есть также здесь на что полюбоваться – величавым амфитеатром Ливанских гор. По берегу моря здесь и там встречаешь остатки молы, колонн, которые доказывают, что некогда рейд и набережная были хорошо и великолепно устроены. Говорят, что и теперь за несколько десятков тысяч пиастров можно бы исправить пристань и сделать ее безопаснее. Вообще Бейрут в других руках мог бы легко сделаться одним из лучших и приятнейших городов в мире. Базили написал очень любопытное сочинение о Сирии. Он уже в Петербурге читал мне несколько глав из него, а здесь прочитал другие.

В статистическом, историческом и политическом отношении он очень хорошо знает этот край. Жаль, что в дипломатической нашей совестливости не позволяется ему напечатать это сочинение. Везде все обо всем пишут. С журналами и политическими трибунами тайна изгнана с лица земли. У нас одних нашла она себе убежище, как истина в колоде. Мы одни притворяемся, что ничего не знаем, ничего не видим. Всего забавнее, что наша молчаливость не спасает нас от общего нареkania, что мы во все вмешиваемся, во все пронырством своим проникаем и ценою золота покупаем все тайны всех государств и народов. Разумеется, излишняя болтливость и нескромность не годится; но есть пределы и гласности и сокровенности. Третьего дня провел я вечер у австрийского консула, славянской породы. Жена его пела, между прочим, романс Вьельгорского: *Любила я*, в немецком переводе. Музыка – язык всеобщий. Пушкина в Бейруте не знают, а Вьельгорский дома. Тут был капитан австрийского военного парохода. Он везет из Алена в Триест лошадей для императора. В Мадере и Лисабоне видел он наши военные корабли и ставит их выше английских, особенно по исправности, скорости и точности маневров наших. Я полагаю, что у нас недостаток в офицерах – и то потому, что у нас все стоячие флоты: негде им набраться навыка и практических сведений; просто негде натереться. Кронштадт, Николаев, Севастополь – дыры, где глохнет их деятельность и русская смышленость. По счастью узнал я, что городские воро-

та довольно свободно растворяются, и по вечерам брожу по берегу моря, прислушиваясь, как волны с плеском и шумом раздробляются о камни и скалы, коими усеян берег. С грустью думаю, что проведя всего около трех месяцев в здешних краях, и из этого итога только 35 путных дней насчитается в пребывание в Иерусалиме. Ни Назарета, ни многих других Святых Мест я не видал. Не увижу Дамаска. Это в моей судьбе: в ней ничего полного не совершается. Все недоноски, недоделки. Ни в чем, ни на каком поприще я себя вполне не выразил. Никакой цели не достиг. Вертелся около многого, а ничего обеими руками не схватил, начиная от литературной моей деятельности – до служебной и до страннической. Многие, с меньшими средствами, с меньшими способностями, с меньшим временем в их распоряжении, более следов оставили по себе, духовных и вещественных, более сотворили, извели и более пространства протоптали. Впрочем, это во мне и со мною не случайность, а погрешность, недостаток, худое свойство моей воли, излишняя мягкость её, которую не умею натянуть и которая свертывается при слабом прикосновении к ней мысли.

Есть картина Мурилло, изображающая мать, которая *ищет в голове* маленького сына своего. Она находится в Мюнхенской галлее и известна под именем: *vieille femme érouillant un enfant*. – Сказать о ней Гоголю, если картина ему неизвестна, чтобы утешить его от нападений наших гадливых, чопорных критиков, у которых также, если *поискать* в

голове, вероятно найдешь более вшей, нежели мыслей.

3 Июня. Вчера обедали у Базили бейрутский паша, французский консул с женою, французский доктор с женою, сардинский консул; все, кажется, люди порядочные и образованные, разумеется за исключением паши. У меня все в голове Дамаск и Бальбек вертятся и подмывают меня – и остается одна досада, что не попаду туда. Надобно было ехать дня два или три по приезде в Бейрут.

4 Июня, Воскресение. В Бейруте встречаются женщины – единороги. У некоторых из них головной убор состоит из рога, серебряного или золотого, дутого в пол-аршина, если не более; сзади для равновесия, т. е. для того, чтобы рог не клонил головы, висят шарики довольно толстые. Рог прикрыт белою тканью, которая опущена на плечам. Женщины не скидают убора и ночью, и спят с этим орудием пытки. И в семействах других князей жены носят этот убор. Любопытно было бы знать – откуда и как усвоился здесь этот странный наряд?

Вчера ездил я верхом в одно селение, часа за два от города, на первом приступе Ливанских гор. Прогулки в окрестности здесь очень хороши; роща *пинов*, когда еще более разрастется – древняя была срублена – будет в жаркие дни лета прохладным и благодатным убежищем. Эти *pins* – облагороженные наши сосны и елки. Зонтичные *pins a parasol* очень живописны. Я видал их в римских садах. Кто-то сказал, что кипарисы похожи на свернутые зонтики, а те на развернутые.

Вчера обедал у Базили французский врач Grimaldo, бывший при ИИбрагиме-паше во время походов его. Теперь он в Саиде главным врачом центрального госпиталя. Он рассказывает много забавного про фантастический и дон-кихотский поход знаменитого Иокмуса из Иерусалима к Газе, где 18,000-ный корпус турецкий едва не дал тяги при нападении 300 наездников из войска Ибрагима. Он говорил, что леди Стенгоп умерла в бедности и оставив по себе до 200,000 пиастров долга. Она была в руках Арабов и других пройдох, которые совершенно ею овладели и пользовались помешательством рассудка, чтобы ограбить ее. После посещения Ламартина и рассказов его об этом посещении, она не допускала до себя путешественников. Чтобы определить и оценить Ламартина, довольно одного замечания: никто из путешествующих по Востоку не берет книги его с собою. И этот гармонический пустомеля мог держать Францию под дуновением слова своего во власти своей несколько дней! Не доказывает ли это, что в некотором отношении Франция мыльный пузырь. – Правда, что иногда этот пузырь начинен порохом и горючими веществами. После Иерусалимского Шатобриана напал я в Бейруте на замогильного Шатобриана в листках La Presse, и он иногда завирается, но у меня сердце лежит к нему. В нем и более дарования, чем в Ламартине, и более благородства. Он мыслит и чувствует как благородный человек, как *дворянин*; а – воля ваша – это не безделица в век бунтующих холопов. В замену леди Стенгоп, здесь посе-

лился потомок славного Мальбруга; он *обарабился*, женился на арабке низшего состояния и во всех отношениях ничтожной – и выписал двух дочерей своих от первого брака, которых отдал в руки необразованной и сердитой мачихе.

5 Июня. Выехал из Бейрута в десятом часу утра. Дорога часа на полтора по берегу моря, у подошвы Ливанских гор. Море как необозримая лазурная скатерть разворачивается, и серебряная бахрома её плещется в берег и стелется под ноги лошади. Голые горы дико и грозно возвышаются – наконец сворачиваешь к ним и начинаешь подыматься, подыматься, подыматься. Иудейские горы – шоссе в сравнении с ними. Вообразите себе, что подымаетесь верхом на Ивановскую колокольню *огромного размера*, на несколько сотен Ивановских колоколен, взгромоздившихся одна на другую, и подымаетесь по ступеням оборвавшимся и катящимся под ногами лошади; но арабская лошадь идет себе по этой фантастической дороге как по битой и ровной. Море всегда в виду. Я принимал сначала селения, лежащие в ущельях, за кладбища. С высоты, дома казались мне надгробными камнями. На один час останавливались для отдыха в селении маронитском *Брейз*. Тут все народоселение маронитское. Оттуда дорога получше и природа живее и зеленее. Шелковичные рассадники – по ступеням горы, снесены камни и образуются гряды. Здесь обработка земли, или лучше сказать камня, исполинская работа. Наши европейские поселяне не управились бы с нею. За четверть часа до *Бекфея*, монастырь;

пред ним огромные камни и большое тенистое дерево; отсюда виден Бейрут, словно сложенные камни, и бейрутский рейд с кораблями, которые как мухи чернеют на воде, а пред глазами дом эмира Гайдара, который европейскою наружностью и зелеными ставнями своими приветно улыбается усталому путнику. В четвертом часу я подъехал к дому и заранее отправил к князю переводчика своего с письмом Базили. Вышли ко мне на встречу все домашние, дети, внуки князя и вся дворня. Князь ввел меня в приемную комнату; после первых приветствий, поднесли мне рукомойник с свежей водою; потом покрыли меня флеровым, золотом вышитым, платком и поднесли курильницу, окурили меня, или пожалуй окадили меня, после вспрыснули благовонною влагою; тут шербет, кофе, трубка. Внуки князя, дети единственной дочери его замужем за его племянником, очень красивы, лица выразительные. Одеты синим плацем, с воротником, шитым золотом. Комната очень чистая, белая штукатурка порядочно расписанная цветами. Дом еще не совсем отстроен. В селении Брейзе принимали меня за доктора, подводили больных детей, водили меня к постели одного большего, движениями давали мне знать, чтобы я пощупал у него пульс. На Востоке старые сказки путешественников и поныне все еще действительная быль. Чтобы отделаться от своих пациентов и не дать им подумать, что я равнодушный и бесстрадательный врач, я велел им сказать чрез переводчика моего, что я не лекарь, а московский эмир, который едет в

гости к их эмиру. Тут оставили они меня в покое. На верху дома эмира терраса с фонтанами. Вид прекрасный. Подалье нагия горы здесь одеты роскошною и свежею зеленью. Море разливается у подошвы их. Народонаселение очень любит эмира. Он человек набожный, справедливый и добрый. Не смотря на доброту его, на другой день при рассвете, под окнами его, раздавались крики несчастных, которых били палками по пятам. Я в то время собирался ехать и пил чай. Мне хотелось послать к эмиру и просить его помиловать несчастных; но мне сказали, что эти люди, по приговору судей и депутатов, наказываются за совершенные ими преступления. Вечером обедали мы, или ужинали, сидя на полу. На подносе было около двадцати блюд разной дряни. Были вилки и ножи, но более для вида. К тому же, сидя поджавши ноги, неловко резать и покойнее и ловчее есть по-восточному. Ничего нет скучнее разговоров через переводчика. Переводчики обыкновенно люди глупые и худо знают один из языков, с которого или на который переводят. Все вертится на тонкостях. Скажешь пошлость и слушаешь – как переводчик переносит ее на другой язык. Собеседник отвечает также пошлостью; ждешь, пока положит он ее в рот переводчику, который пережует ее и потом уже передаст тебе. Здесь же, на Востоке, каждое слово обшивается комплиментами. Я не понимаю, как европейские путешественники и книжки имели дар заводить любопытные разговоры с здешними жителями, не зная ни одного из бостонных языков. Я думаю, что многие из

этих разговоров выдуманы на досуге, чтобы бросить на книгу местную краску. Меня тошнит от всякого шарлатанства – после двух-трех фраз мне всегда хочется сказать чрез переводчика собеседнику: убирайся пожалуйста к черту и оставь меня в покое, как и я оставлю тебя.

Во вторник, 6 Июня, отправился я из Бекфея в 6-м часу утра. Ночевать должен я был в Захле; часов за 7 или 8 – заезжал я в иезуитский монастырь возле дома эмира. Два иезуита, церковь и школа. В горах есть и другие иезуитские заведения. Нельзя не отдать справедливости иезуитской и вообще римской церковной деятельности. Зовите ее властолюбием, по она приносит полезные плоды, а лица, которые именем церкви действуют, достойны всякого уважения и не заслуживают никакого нареkania. Они учат тому, во что сами верят и чем проникнуты с детства. Церковь их может быть ошибается, но они добросовестные, ревностные исполнители её воли и учения. Самоотвержение их поразительно. Духовные лица эти вообще люди образованные и должны жить посреди невежества и лишений всякого рода. Что же им делать, как не пропаганда? На то они и посланы – духовные воины, разосланные по всем концам мира, чтобы завоевывать края оружием слова и покорять завоеванных власти, пославшей их. Они бодрствуют на страже и не упускают ни одного случая умножить победы свои. Да, это жизнь апостольская. От настоятеля узнал я, что жив еще иезуит патер *Мозавен*, который был при мне в иезуитской школе в Петербурге. Я

просил его передать ему поклон от старого ученика, про которого он вероятно забыл, хотя он, и вообще иезуиты, меня любили и отличали; но никогда, ни пол-словом не старались поколебать во мне мое вероисповедание и переманить к себе. Можно охуждать правительство или владыку за честолюбие его, но преданные ему воины, которые, не жалея трудов жизни своей, ратуют с честью и самоотвержением по долгу совести и присяги, возбуждают всегда почтение во всех беспристрастных людях, и потому толки о пронырствах римского духовенства всегда мне кажутся нелепы. Духовные начала, на коих основана церковь наша, могут быть чище, но духовное воинство римской церкви образовано и устроено гораздо лучше нашего. Их точно снedaет ревность о Доме Господнем – как, то есть чем, учили их признавать этот Дом. Смешно же требовать от этих миссионеров, чтобы они обращали в христианство в пользу протестантской или греческой церкви, а надобно же обращать или набирать в какое нибудь вероисповедание, пока не будет общего, пока не будет единого пастыря и единого стада. Единый Пастырь и есть, по стадо разбито и ходит под различными таврами.

Дорога в Захле лучше Бейрутской, усеяна зелеными оазисами деревьев. Есть даже рощицы – что-то в роде нашего ельника. Так пахнет иногда от них Русью, что захочется слезть с лошади и пойти по грибы, по вспомнишь Тредьяковского и скажешь:

Лето всем ты любовью,
Но, ах, ты не грибовно.

На дороге роща старых и широковетвистых деревьев в местечке *Эльмуз*, с маронитскую церковью и школою. Мальчишки на дворе у церковной паперти твердили уроки свои по арабским кппгам, вероятно духовного содержания. Что из этого будет, Богу известно; по семена сеются. Нельзя вообразить себе, как вся эта страна взволнована, взъерошена горами. Какая революция, почище всякой Июльской и Февральской, раскопала эту мостовую и раскидала её громадные камни. Ламартину вероятно было бы завидно, глядя на это. Революция его рукоделия – детская игрушка; а тут видна рука Божия. Впрочем и эти титановские и, казалось бы, неприступные и непореступные баррикады не заградили пути ни человеческой промышленности, ни суетному человеческому любопытству. И здесь, где только можно и где природа немного уступчивее и ручнее, засеяны полосы, зеленеют виноградники и шелковица. И здесь путешественник, от нечего делать, покинув гнездо свое, карабкается по этим чудовищным горам, под опасением, при малейшей неверности шага лошади своей, нанятой за 15 пиастров на день, переломать себе ноги и руки, если не голову, один раз на всегда. Впрочем надо отдать справедливость горам: они здесь очень живописны и своеобразны: то иссечены они в виде крепости с башнями, то громадные камни лежат в каком-то порядке,

точно кладбища с гробницами исполинов, допотопных титанов. Поминутно прорываются, с прохладительным туманом, стремительные потоки. Нет сомнения, что в этой знойной стороне чувствуешь не только внутреннюю жажду, но жаждут зрение и слух; и один вид, и одно журчание воды уже усладительно, и утоляет и освежает воображение. Со всем тем, горы хороши как декорация, но лазить с непривычки по декорациям тяжело и накладно. А. Л. Нарышкин, путешествуя в Германии, отвечал проводнику своему, предлагавшему взойти на высокую гору, что он обходится с горами как с женщинами и любит быть всегда у их ног. Шатобриан написал против гор злой и красноречивый памфлет.

К вечеру приехал я в Захле. Остановился в доме шейха Абу-Ассафа, православного, род арабского старосты или бурмистра, но старосты на лихом коне и воинственного. В Захле смешанного народонаселения тысяч до десяти. За несколько лет они воевали с Друзами и одержали над ними победу. Мой староста показывал мне с гордым удовольствием место его военных подвигов. Захле на горе, в виду Анти-Ливан, внизу извивается речка. У меня вовсе нет местных красок, имен урочищ не помню, а записывать по пути скучно. Берега реки обсажены высокими тополями – царство прохлады. Отужинав с шейхом, лег спать. Тут было царство мух и мошек невидимых и бесслышных – только догадаешься о них, когда тайно и предательски впустят они жало свое в щеку или веки, которые они особенно жалуют.

В Среду, рано утром, отправился в Балбек. Дорога ровная как скатерть по Балбекской долине, широко растилающейся между двумя стенами Ливанскою и Анти-Ливанскою. Она почти вся обработана. Жатва, луга, на коих пасутся богатые стада. Шелковая мурава, на которую можно и прилечь. Сельские картины, успокоивающие и освежающие чувства после судорожных сцен истерзанной и ломаной природы утесов; тут можно пустить коня своего вскачь, что я и сделал к неудовольствию спутников и проводников моих. Пришлось же мне прослыть отчаянным наездником: я был всегда далеко впереди от каравана своего. Долина простирается верст на 60 в длину и, судя по глазомеру, верст на 20 в ширину. Я проехал ее с небольшим в четыре часа, а казенная езда шесть часов. О развалинах Балбека, после того, что было о них мною сказано, говорить нечего, к тому-же жарко и писать не хочется. Развалины сами по себе, какие бы они ни были, для глаз и чувства моего, не имеют много приманки. Я рад, что видел Балбекские развалины, но еще более рад, что на пути к ним проехал часть Ливанских гор и Балбекскую долину. Природа в каком бы виде она ни была, для меня всегда привлекательнее зданий здравствующих и зданий развалившихся; но здесь любопытно и поразительно видеть, что делали люди за несколько тысяч лет до нас, какими громадами они поворачивали и какие памятники воздвигали. В сравнении с ними, наши монументальные здания – карточные домики и детские игрушки; а Краевский толкует о прогрессе. Пришел бы он

посмотреть на развалины храма Балбека, посудить по нем, что должен был быть город, вмещавший в стенах своих такое громадное здание. На какую высшую степень просвещения, промышленности и художественности такое строение указывает, и сравнить все это с опустением, невежеством и бедностью духовною и материальною, которые овладели ныне этим местом. Я два раза осматривал развалины: в первый день приезда и во второй при месячном сиянии. На другой день еще посвятил несколько часов на прогулку по развалинам. они обведены речкою. Вода превосходная. К развалинам на ней построена мельница. Под широкими сводами сушат веревки. Вот нынешняя жизнь и значение некогда знаменитого и великолепного храма. В Трое и того не найдешь. Впрочем там найдешь Гомера и его Илиаду, как в Гомере найдешь Троию. В Балбеке ночевал у *мушрана*, епископа, грека Нимского. Он спрашивал меня о графе Остермане-Толстом. Возвращаясь ночью от прилунной прогулки по развалинам, проходили мимо сада, где за стенами совершался мусульманский девичник, пели предсвадебные песни и били в ладоши. Провожавшие нас Турки и христиане боялись долго оставаться на улице, чтобы не нарушать, близким присутствием нашим, таинства женского сближения, которое признается у Турков гражданскою и домашнею святынею, неприкосновенною для мужчин и особенно для гяуров. В Четверг в 3 часа по полудни выехал я из Балбека; часу в 8-м вечера возвратился в Захле. За полчаса до селения выехал ко мне

на встречу шейх в красном бурнусе, соскочил с коня и с поклоном вложил мне в рот свою курящуюся трубку – величайшая восточная учтивость, которая некогда переводилась на Западе предложением понюхать табаку из табакерки. И тут и там – табак символ приветствия. Если хорошо бы порыться в древних обычаях, то может быть найдешь, что обычаи одни и те же, как мысли и понятия, обходят с некоторыми изменениями круг земли и столетий. Шейх провез меня по всей столице своей, вероятно с мыслью, удивить меня её обширностью и многолюдством, которое стекалось по пути его с знаками почтения. А мне хотелось проехать по другой стороне – низменной, чтобы, при вечерней прохладе и блеске звезд, полюбоваться течением реки и темною зеленью тополей. Но, не смотря на мои убеждения, которых он впрочем не понимал, я должен был переменить свою поэтическую прогулку на торжественное, по прозаическое шествие по кривым и крутым улицам, мимо мазанок и лачуг, и только с вершины прислушиваться к плеску струй, разливавшихся в глубине оврага. Вечером Арабы пели, плясали передо мною род восточного *канкана* с отрывистыми и угловатыми телодвижениями. Мало по малу плясун входит в пассию, кидается, вскрикивает, перегибает спину свою назад, *se cambre* так, что закинув голову назад чмокается сзади губами своими с одним из присутствующих и изнуренный падает на свое место. На другой день, в Пятницу, худо выспавшись от нашествия разноплеменных насекомых, отпра-

вился я в обратный путь в 5 часов утра. По маршруту моему, этот переход разделен был на два дня. Так и лошади были наняты; но я совершил его в один присест, к неудовольствию моих спутников и к удивлению ожидавших меня в Бейруте не ранее Пятницы. Около тринадцати часов был я на коне, с малыми остановками в *конаке*, чтобы выпить чашку кофе, и к 7-ми часам, т. е. к обеду, был я в доме Базили. Мой возвратный путь лежал или карабкался и корячился, по другим горам. Путь такой же тяжелый и со всяким другим конем, не туземным или тугорным, опасный – при солнечном сиянии ехал я часы по туманам, или облакам, и проникнут был плавающей над мною и вокруг меня влагою. Дороги разглядеть не мог; но тут были нужны не мои глаза, а лошадиные. Если лошадь моя обступилась бы, я мог бы сказать буквально *que je suis tombé des nues*. – По вершинам некоторых гор лежали снежные полосы, как у нас холсты для беления по деревьям. Горы еще тем нехороши, особенно для усталого путника, который видит перед собою цель своего странствования, что эта мнимая близость обманывает его зрение. С крыльями и легко бы долететь по прямому направлению, но тут кружишься иногда час и более почти все на одном месте, потому что крутизна скалы не позволяет прямо спускаться, а надобно лавировать.

В Субботу пришел австрийский пароход, прибывший на нем из Константинополя... дал нам известие об отъезде Павлуши и другие Стамбульские вести. В Воскресенье пришел

русский бриг Неандер с архимандритом Софониєю и Галенкою. У Базили обедали архимандрит, капитан брига Рябинин и граф Бутурлин с сыном, променявший свое русское графство, свои русские поместья и свою коренную личность на состояние *не помнящих родства* и приписанных к Римской церкви. Итальянцами им не бывать, разве потомкам их, а Русскими они уже не суть. Если все это по убеждению и для спасения души, то и прекословить нечего. В некотором отношении можно иногда пожалеть о них, по еще более должны им позавидовать, ибо временные блага принесли они в жертву вечным.

В Понедельник, в Духов день, архимандрит служил обедню в греческой церкви. В отступнике Бутурлине замечательно много русского духа и вообще русской складки. Он даже усердный читатель Северной Пчелы, и говорил, что по отъезде из Италии, тоскует по ней. Ему известны и приснопамятны выходки Булгарина против *толстых журналов*.

Во Вторник, к пяти часам по полудни, сели мы на австрийский пароход «Шильд». Он был окрещен во имя *Ротшильда*; но Ротшильд не согласился быть восприемником его и пароход обезглавили. Дня два пред отъездом нашим дул сильный ветер и раскачал море. До острова Родоса нас порядочно било, тем более, что машина не в соразмерности с величиною судна. Мы шли медленно, узлов по пяти в час. Пароход новый и деревянная обшивка его, хотя очень щеголеватая, не обдержалась и не отселась. Никогда не слыхал я подобной

трескотни и скрипотни. Казалось, что все лопается, трескается и того и смотри – распадется. Со всем тем, в Субботу, в 4-м часу по полудни, бросили мы якорь в Смирнском рейде и к 7 часам были мы уже заключены в свою карантинную тюрьму.

На Смирнском рейде стоял французский пароход, отправляющийся в Константинополь – и на нем Ламартин. Если турецкое правительство не было бы нелепо, то оно засадило бы Ламартина в карантин, вместо того, чтоб дать ему богатое поместье в своих владениях. Ламартин перевернул Францию вверх дном и после того бежит из неё как кошка, когда напроказит и разбросает посуду; а Диван, который ищет покровительства и милости Франции, оказывает неслыханное благодеяние безумцу, от которого все партии во Франции отказались и которого все равно обвиняют. Да и он хорош, устроив у себя республику, христарадничает у потомков Магомета и записывается к ним, более нежели в подданство, а в челядницы, ибо идет питаться их милостынею и хлебом.

На возвратном пути ничего замечательного не было. Плыли мы по знакомой дороге и мимо знакомых островов, только приставая к некоторым, а не выходя на берег, согласно с карантинными правилами. *Либеральные врачи* вопиют против карантинных правил, но они видят в них вопрос, более политический, нежели вопрос общественного здравия и негодуют на них как на стеснение свободы человеческой – наравне с цензурою, с запретительными тарифами и пр. и пр. Де-

ло в том, что, со времени учреждения турецких карантин-нов, о чуме в Турции не слышать. Это лучшее свидетельство в пользу карантинной системы – разумеется благоразумной и умеренной, а не произвольной и излишне притеснительной. Что чума заразительна, что неограниченная свобода тиснения, в своем роде, общественная чума, что безусловная свобода торговли мечта не сбыточная, все это оказывается на практике вопреки человеколюбивых и благодушных теорий. Смирнский карантин очень порядочен – на берегу моря, свежий ветер от него утоляет жар и шум разбивающихся волн сладостно пробуждает внимание. Комнаты просторны и чисты, вероятно потому, что султан на днях проехал чрез Смирну, и на всякий случай все в ней освежили и побелили. Точно тоже делается и на святой Руси. Карантинная стража не пугает, как в Одессе, своими смертоносными мундирами, забралами и проч. У нас все пересолят. Между тем наблюдательность здешней стражи очень бдительна и вовсе не докучлива. Я бросил бумажку из окна и чрез несколько времени пришел ко мне один из надзирателей и спросил меня: я ли бросил? На ответ мой, что я, просил меня вперед не делать. Сошел в сад, подобрал все лоскутки бумаги, апельсинные корки и бросил их в море. Обедаем мы с *августейшего* стола, то есть, обед наш готовится поваром из Смириской гостиницы *Des deux freres Augustes*. В карантине с нами англичанин Робертсон, сын датского консула в Смирне Jong с женою, ребенком и братом, барон Шварц, баварец, наш Иерусалим-

ский спутник, два немецких живописца и около ста человек разного сброда. Вечером Турки поют, играют в жгуты на дворе. Много в них живости и веселости. В то же время другие Турки обращаются к Востоку и не смущаемые ни присутствием нашим, ни играми своих братьев – с благоговением совершают, пред открытым небом, свою вечернюю молитву. В числе стражи есть турецкий офицер, балагур и шутник; около него собирается кружок и потешается его рассказами и разными выходками.

Вообще, в Турции заметно равенство между различными степенями состояния. Дух братства вероятно от того, что степень образованности, то есть необразованности, почти всем общая. Вместе с тем много у них *челядинства*, и турок, немного зажиточный, ничего сам не делает и окружен большею или меньшею прислугою.

В Среду (я сбился числами), при восхождении солнца, отворили нам ворота нашей карантинной темницы. Множество барок было уже у берега. Все бросились нагружать на них свою кладь, и через час никого уже не было в карантине. Дул довольно сильный ветер против обыкновенного, ибо он подымается вообще не ранее десятого часа – и море *бараушилось*. Жене не хотелось пасти это волнующееся стадо, и мы послали в город за *porte-chaise* и за лошадь, чтобы ехать берегом. Между тем море стихло, и мы спокойно отправились в лодке, под охранением русского матроса, поселившегося в Смирне. Остановились мы по прежнему в «Августейшей»

гостиннице. Был я у паши, московского знакольца. Он немного говорит по-французски, помнит Петербург и многие лица, который он там знал и расспрашивал меня о них. Его почитают приверженцем русской системы и потому удаляют его от Султана. Султан, заехав в Смирну вопреки маршрута, начертанного ему министерством, сделал, говорят, un soup de tête. Уверяют, что сераскир, другой его beau-frère, умолял его на коленях не заезжать в Смирну, пугая его болезнями, землетрясениями etc. Но, если не удалось им помешать Султану быть в Смирне, то успели они ограничить пребывание его в ней несколькими часами, тогда как приготовления и праздники устроены были на несколько дней. По всему видно, что паша в оппозиции. Он очень худо отзывался об египетском паше, которого Султан видел в Родосе и от которого принял в подарок богатый пароход, чему Галиль-паша будто верить не хотел, говоря, что это противно последнему торжественному постановлению Султана принимать подарки свыше стольких-то ок винограда, груш etc. Говоря о Ламартине, недавно проехавшем чрез Смирну, припоминал он слова его в Палате Депутатов «que la Turquie était un cadavre et qu'il l'avait touché du doigt» – «et aujourd'hui il vient comme un ver», сказал я, se nourrir de ce cadavre», что очень рассмешило пашу. Я просил его держать построже своего нового помещика. Он отвечал мне, что не боится его. Вообще, пашу очень хвалят за деятельное и хорошее управление. От него поехал я на Мост Караванов и опять не видал ни единого верблю-

да. Вместо Пятницы, пароход отправился в Четверг. К четырем часам переехали мы на него в лодке, которую порядочно качал противный ветер, но русский матрос перевез нас благополучно. На пароходе нашли мы знакомое семейство муллы, бывшего в Иерусалиме, и очень дружно жили с гаремом его, на пароходе, очень обходительным и даже не закутывающим лица своего. Ветер был сильный и совершенно противный. Мы шли медленно, пароход скрипел во всю мочь; по качка была сносная. Нервы мои сначала несколько взбудоражились, но вскоре утомнились и все обошлось благополучно. Ночью остановились мы у острова Мителена и нагрузили на наш пароход около ста сорока негров и негритянок, — более последних, которых везли на продажу в Константинополь. Вот тебе и *la traite des Nègres*, против которой так либерально толкуют и так либерально крейсируют на далеких морях и которая здесь открыто производится под австрийским флагом. Впрочем, негры эти казались очень покойны и даже веселы, лежа на палубе как скотина. Их ощупывали и осматривали, чтобы видеть, нет ли каких телесных пороков. Охотники и знатоки определяли, каждому и каждой, чего тот или другая стоит. Кажется, средняя цена от 1,500 пиастров до 2,000 и 2,500. Но капитан парохода говорил, что совершить покупку на пароходе он не дозволит. Нас пугали усиления качки в Мраморном море; но ветер к вечеру утих, и мы спокойно проспали последнюю ночь нашего плавания.

В Субботу, 24 Июня, к десяти часам утра, бросили мы

якорь в красивом Константинопольском рейде:

Конец благополучну бегу.